

INSPIRIA

«Энергичная, очень приятная книга о призраках прошлого и о важности дружбы».

Kirkus Reviews

ПРОСТИ

НО Я СКУЧАЮ

роман

Сьюзи Кроуз

INSPIRIA

Сьюзи Кроуз

Прости, но я скучаю

Серия «Сурсаке. Горячий шоколад»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66848482
Прости, но я скучаю: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-162309-8*

Аннотация

Три женщины. У каждой есть сокровенный вопрос.

Одно письмо – в нем все ответы. Кому оно достанется?

Ларри получил в наследство особняк, но, чтобы в нем жить, нужно соблюдать кучу странных правил. Например, не слушать современную музыку или не сажать поблизости цветы. Поскольку у Ларри и так полно проблем, он решает сдать дом.

Его занимают три женщины, Мод, Сунна и Маккензи. Вскоре выясняется, что у каждой из них в жизни был человек, который пропал без объяснения причин.

Поэтому, когда в почтовом ящике они находят потрепанное письмо, где ясно лишь одно – с кем-то хотят встретиться в кофейне, – каждая надеется увидеть «призрака» из прежней жизни.

А вот Ларри это не интересует, у него полно других забот, а еще он убежден, что призраки, причем реальные, поселились на чердаке. Да и вообще, в их обычно тихом городе творится

неладное. Кто-то угрожает разнести в пух и прах галерею, в которой он работает. Здесь уж точно не до мистики!

Романтичная, яркая, забавная и трогательная история о необычной дружбе и силе надежды. Тысячи отзывов на Goodreads и Amazon с высокими оценками. Книга о силе людских уз во всем их многообразии. Бестселлер, переведенный на десяток языков.

«Причудливая, оригинальная история о необычной дружбе и силе надежды. "Прости, но я скучаю" – это жемчужина». – *Федра Патрик*

«Энергичная, очень приятная книга о призраках прошлого и о важности дружбы между людьми». – *Kirkus Reviews*

Содержание

Призраки в нашей жизни	8
Последняя воля и завещание Ребекки Финли	23
Жильцы Монреаль-стрит 2139 получают письмо	39
Бывший панк	60
Пиратская пицца и грозный флибустьер Хэйрс	63
Ларри, лучший в мире домовладелец	79
Веселенькое утро Бренды	87
Кофейня рядом с крематорием	94
Призраки в галерее	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сьюзи Кроуз

Прости, но я скучаю

Моим маме и папе

Мне жаль, что люди, прочитавшие мои книги, порой задаются вопросом о моем воспитании.

Как бы то ни было, я думаю, вы проделали отличную работу.

Suzy Krause

Sorry I Missed You

* * *

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text copyright © 2020 by Elena Krause

Design copyright © 2020 by Elizabeth Goodhue

© Бараш О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Призраки в нашей жизни

Мод и Ричард

В день свадьбы Мод выглядела настоящим чучелом. Платье пузырилось и морщило, обвисало и топорщилось. В нем она казалась полинялой, зато оно подчеркивало худшую, по мнению Мод, часть ее внешности – лицо. Она знала, что Ричарду все равно: ведь она выглядела ужасно, что бы ни надевала, а ему хоть бы что, казалось, он этого даже не замечал. Вообще-то он никогда не говорил ей о том, как она выглядит, не было у него и дурацкой привычки некоторых пожилых мужчин обсуждать наружность *других* женщин. Зато он громко хохотал над ее шутками, занимал интересными бесе-

дами, готовил экстравагантные блюда и с гордостью держал ее за руку на людях. Когда они смотрели фильмы, он рассеянно перебирал ее волосы, как будто они были длинными и шелковистыми, а не короткими и жесткими. Сказав, что любит ее, он нежно коснулся ее лица, а у глаз появились морщинки-лучики – как будто не мог поверить, что ему так повезло. Она сама в таких случаях точно так же щурила глаза.

Мод улыбнулась своему отражению в зеркале в полный рост, ошеломленная зрелищем. Все же, когда тебе за шестьдесят, хорошо выглядеть в модных вещах непросто – не сказать, что невозможно, но все же гораздо труднее, чем в двадцать пять. Можно сколько угодно делать всевозможные гимнастики, проходить каждый день по десять миль, поливаться увлажняющим лосьоном из пожарного шланга, но без всякого толку: тело прожило немало лет, и это заметно. Впервые в жизни Мод пожалела, что не вышла замуж в двадцать с небольшим: платье, конечно же, предназначалось для юной невесты. Но потом она представила, какого бы тогда выбрала мужа, рассмеялась и решила наплевать на свое лицо и выпирающий живот: главное, они любят друг друга, и это прекрасно. Наплевать – вот одно из немногих решений, которые после шестидесяти даются гораздо легче.

Наконец, собравшись с духом и кое-как подобрав волны тюля и атласа, она села в автобус и поехала в парк в центре города рядом с мэрией, где их должен был ждать фотограф – фотосессию перед церемонией придумал Ричард. Пасса-

жиры с любопытством уставились на нее, и она беззаботно улыбнулась в ответ. «Может быть, они считают, что я красивая», – подумала она и, вместо того чтобы выбросить эту мысль из головы, надела ее, как второе платье, и ехала в ней до самого парка.

Фотограф был уже на месте и поначалу не заметил ее. Он зачем-то фотографировал дерево – медленно кружил вокруг него, как будто это оно было невестой, поворачивал камеру так и сяк, подкручивал колесико, то и дело останавливался и хмурился, досадуя на солнце, которому ну никак не подбало торчать на небе в два часа дня.

Он не был профессиональным фотографом – просто знакомый Ричарда, любивший фотографировать. Значит, его услуги обойдутся дешево, и это самое главное. Свадебный альбом Мод и Ричарда не будет передаваться из поколения в поколение; он просто пролежит несколько лет на журнальном столике, а когда Мод и Ричард покинут этот мир, кто-нибудь вынет из него фотографии и выбросит на помойку. А альбом, если ему повезет, окажется на благотворительной распродаже с наклейкой «25 центов». Для Мод это был первый брак, для Ричарда – второй, детей ни у кого из них не было. Их отношения не сулили ничего, кроме собственного удовольствия.

– Привет, Мод! – сказал фотограф.

– Привет, – ответила Мод. Как его зовут, она не помнила.

– Настоящая красавица, – заметил фотограф.

– Лжец! – смеясь, ответила Мод. – Побольше снимайте, как мы целуемся, вид сзади. И больше Ричарда, чем меня. Можно еще сделать парочку таких, забавных, где невеста прячет лицо в букете.

– Хорошо, – смущенно сказал фотограф. – Кстати, а почему нам не начать с нескольких портретов невесты? Я читал, что некоторым невестам нравится, чтобы были...

– Нет, спасибо, – быстро сказала Мод. – Мне ни к чему.

– Ладно, конечно, хорошо, извините, – сказал фотограф. И еще раз щелкнул дерево.

– Пойду посижу вон на той лавочке, пока жених не приехал, – сказала Мод: у нее закружилась голова, когда она представила, как по аллее к ней идет Ричард, одетый в костюм, и смотрит на нее этим своим взглядом – как будто она ангел, Джейн Фонда и единственная женщина, оставшаяся на планете Земля.

На скамейке Мод расправила свое красивое платье, пригладила волосы и провела безымянными пальцами под глазами, проверяя, не расплылась ли тушь. Она сидела, и сидела, и сидела, пока не начала думать, правильно ли она поняла Ричарда, что они встречаются в этом парке. Но фотограф-то здесь – не могли же они оба напутать!

– Извините... э-э... мистер... фотограф, – сказала Мод. Ей было неловко, что она не помнит имени молодого человека. – Мне нужно найти телефон-автомат. Сейчас вернусь. Если в это время придет Ричард, дайте ему понять, что стыд-

но так опаздывать, ладно? – Она улыбнулась, чтобы показать, что шутит.

– Ладно, – ответил фотограф, не показавший виду, что ему не нравится обращение «Фотограф». Наоборот, казалось, он даже приосанился. – А что, еще есть телефоны-автоматы?

– А куда они денутся? – хмыкнула Мод. – Не у каждого же в кармане мобильник.

Фотограф пробормотал, что вообще-то у каждого, а Мод отправилась на поиски телефонной будки.

Конечно же, она была права: автомат оказался прямо за углом, и она быстро набрала номер Ричарда, осознавая, что бросается всем в глаза. Конечно, свадебное платье и задумано для того, чтобы бросаться в глаза, но обычно, когда его надеваешь, все должны пялиться на него, а не на тебя. Обычно.

В трубке слышались гудки – один, другой, третий... Мод еще не успела расстроиться, она была лишь слегка обеспокоена. Если он ответит – это плохо: до города ему ехать двадцать минут, а он уже и так опоздал. Если не ответит – еще хуже, потому что где тогда его носит?

– Алло?

Ага. Плохо, но могло быть хуже.

– Ричард! – воскликнула Мод. – Почему ты еще дома?

– Мод? О, Мод! – Казалось, он был удивлен, услышав ее голос. Кто еще, интересно, мог звонить ему в день его сва-

дьбы?

Она молчала, ожидая, пока уляжется волна эмоций. Все хорошо, все хорошо. Это день ее свадьбы! Но Ричарда рядом нет, так что...

– Ты... ты забыл о нашей свадьбе, Ричард?

– Э-э... – прокатился по телефонной линии его голос. – Это... ну да. Нет! Нет, я не... Нет, я просто... У меня... как это говорят... дрожат... эти...

– Ричард! С тобой все в порядке? – Его голос звучал странно. Невнятная речь, путающиеся мысли... Мод старалась не паниковать. – Ричард! Ричард! – Как там проверяют, не случился ли с человеком удар? Какой-то тест... А, да, лицо, руки... что-то еще, она вспомнит, сейчас дорога каждая минута. – Что, Ричард? Руки?..

Ричард рассмеялся.

– Руки? Нет! При чем тут руки! – Он так смеялся, что с трудом выговаривал слова. – Дрожат... нет, трясутся тормашки! Вот как говорят. Да нет, не может быть. Это же бесслы... бессмы... – В трубке послышалось бульканье, а за ним звук основательной отрыжки. – Поджилки! Слишком трясутся поджилки, чтобы жениться. Поджилки... – Он уже так хохотал, что не смог закончить фразу.

– Да ты пьян, – сказала Мод, сама удивившись своим словам. Они вырвались у нее, казалось, раньше, чем пришли в голову. Она еще не сошла с ума; она даже не была уверена, что бодрствует. Это было похоже на сон, из тех, когда стоишь

раздетая перед толпой. Только все наоборот: не раздетая, а разодетая. А пьяный жених хохочет над несмешной старой идиомой, которая означает, что он не хочет жениться. И в любой момент можно взмахнуть руками и улететь вместе с телефонной будкой. Потом она проснется в день свадьбы и посмеется про себя, а позже, во время медового месяца, даже расскажет об этом Ричарду. Они собирались в Кэнмор. У них был заказан номер для новобрачных. Они намеревались съездить в Банф и прокатиться по канатной дороге на вершину Серной горы.

– Нет! – заорал Ричард и снова захохотал в трубку. – Ну, это... да. Да! Именно. – Казалось, он в истерике. – Я пошел, Мод. Все это... – Он повесил трубку.

Мод так и осталась стоять в телефонной будке на Скарт-стрит, совершенно ошеломленная и глупо расфуфыренная. Ее сердце не было разбито: это она почувствует, только когда пройдет шок.

Бесслы... бессмысленно.

«Хорошо сказано, Ричард».

Оказалось, что это вовсе не день свадьбы Мод.

Она отправила фотографа и отменила церемонию, после чего и сама вернулась домой и сняла дурацкое платье – надевать его было неловко, но снимать и укладывать обратно в красивую коробку было откровенно унижительно.

Оставалось только ждать, пока Ричард протрезвеет, позвонит, извинится и объяснит свое странное поведение. Но

этого так и не случится. Не будет ни Серной горы, ни канатной дороги.

Маккензи и Таня

– Но у меня день рождения. – Маккензи стояла в дверях спальни. Она пыталась разозлиться, чтобы прогнать обиду.

– Был. Вчера. – Голос Тани донесся с дерева прямо за окном спальни. Когда Маккензи ее засекала, она уже спускалась вниз и теперь сидела на ветке, ее белоснежная кожа светилась в лунном свете, так что она была похожа на парящее привидение.

– Так не делают.

– Делают. Сейчас два часа ночи. Кто в это время отмечает день рождения?

– Да кто только не отмечает!

– Не прикидывайся, что не поняла. Твой день рождения уже отметили. – Таня посмотрела вниз не для того, чтобы узнать, кто ждет ее под деревом, а чтобы дать понять Маккензи, что хочет туда, к ним.

– Ты просто не хочешь признать, что бросаешь меня, чтобы в мой день рождения потусоваться с кем-то, кто тебе больше нравится.

– Повторяю: твой день рождения был вчера. Иди спать.

– Ну, спасибо! – Маккензи старалась не дуться, но при этом выглядеть обиженной.

Однако в голове у Тани всегда умещалась только одна

мысль, и в данный момент эта мысль была не о Маккензи.

– Кенз. Остынь. Мы отпраздновали. Нам было весело. Тогда был твой день рождения, а сейчас другое. Мы не обязаны делать все сообща.

– Извини, что тебе пришлось что-то делать сообща со мной. Извини, что для тебя это такая жесть.

Таня нетерпеливо улыбнулась.

– М-м-ладно. Нам пора. Ты же никому не расскажешь? Будь молодчиной. – Таня всегда говорила Маккензи «Будь молодчиной». Как будто это зависело от Маккензи. Как будто это она сама при рождении решила быть рохлей и мямлей.

– Конечно, не расскажу, – сказала Маккензи, стараясь, чтобы ее голос звучал равнодушно, а не разочарованно.

– Вот и умница, – сказала Таня; ей даже не пришлось изображать равнодушие.

Она прошептала что-то с дерева, и снизу тоже донесся шепот. Она всем телом повернулась к стволу дерева и потянулась в темноте за невидимой веткой, как будто точно зная, где ее нащупать. Тут Маккензи поняла, насколько привычен для сестры этот путь бегства.

– По-моему, ты зря уходишь, – быстро сказала Маккензи.

Таня преувеличенно глубоко вздохнула.

– Маме бы не понравилось, что ты шляешься с каким-то парнем, с которым едва знакома.

Это подействовало. Таня изменила направление, влезла обратно в окно, перебралась через комод и спрыгнула на пол

перед Маккензи. Она приземлилась беззвучно, как будто была тенью, а не человеком. Если бы Маккензи попыталась сделать то же самое, она перебудила бы весь дом, и все бы кинулись смотреть, что случилось: то ли дерево рухнуло на крышу, то ли началось землетрясение.

– А ты откуда знаешь? – Равнодушие Тани как рукой сняло.

Маккензи поняла, что одержала верх. Однако она вовсе не собиралась брать верх: ей просто хотелось, чтобы ее взяли с собой. Взяли не из-за ее шантажа и не из чувства долга, а из желания, чтобы она была с ними. Она уставилась на сестру полными слез глазами, решая, как поступить. Нужно ли сказать о том, что она прочитала в почте сестры? О бешеных деньгах, которые, как она знала, лежали в Таниной сумочке? О том, что точно знает, куда идет Таня и с кем встречается?

– Ниоткуда, – наконец произнесла Маккензи, рассматривая свои ногти на ногах, покрытые фиолетовым лаком.

– А почему тогда сказала?

– Просто догадка.

– Ты что, *догадалась*, что я ухожу с едва знакомым парнем?

– Ты всегда якшаешься с едва знакомыми парнями. Ты всегда уходишь с кем ни попадя, а меня никогда с собой не берешь. – Она не хотела, чтобы они позвали ее с собой из жалости, но, может быть, именно на это и надо было давить.

Таня успокоилась. На ее лице снова отразилась скука. Ни

сочувствия, ни заботы.

– В другой раз, Маккензи.

Таня снова забралась на комод и выскользнула из окна в темноту, и это был последний раз, когда Маккензи видела ее в реальной жизни.

После этого она появлялась в снах Маккензи почти каждую ночь, а иногда начинала материализовываться где-то на заднем плане в многолюдных местах и выглядела такой же призрачной и бестелесной, как в ночь своего исчезновения. Но едва Маккензи поворачивала голову, сестра растворялась в воздухе.

Сунна и Бретт

С таким же успехом могла взорваться плита. Или ванна из квартиры сверху провалиться сквозь потолок и вместе с голым соседом рухнуть на обеденный стол. Или курица, которую они ели, – ожить и с кудахтаньем выбежать за дверь. Именно такой была их ссора – неправдоподобной. Сюрреалистичной. Беспрецедентной. Они и не представляли, что с ними может такое случиться – и это действительно случилось как будто само по себе, а не по их воле. Они ужинали вместе – и вдруг оказалось, что они орут друг на друга, потом крики перешли в визг. Кто начал? Кто разозлился первой? И почему? Ни одна не могла вспомнить, что было потом. Воплям положили конец два слова, по одному с каждой стороны. Бретт назвала Сунну завистницей, а Сунна назвала

Бретт фальшивкой, и хотя им случалось обзывать друг друга гораздо худшими словами, чем сказанные в пылу ссоры, именно эти прогремели в воздухе, как выстрелы. Как говорится, правда глаза колет.

Возможно, после этой ссоры они бы расстались навсегда, но дело происходило дома у Бретт, а Сунна, выбежав прочь, забыла куртку. Куртка была не бог весть что, но все же куртка, а январь в Торонто – дело нешуточное. В тот день Сунна была достаточно зла, чтобы не заметить, что вернулась домой без куртки, но на следующее утро ей пришлось звонить и кротко договариваться, когда можно забрать одежду. «Когда тебе будет удобно? Извини, что я так выскочила. Мне очень жаль, правда...»

Сунна не чувствовала себя виноватой и не собиралась просить прощения: извинения вырвались из ее рта так, как будто ее голосовыми связками управлял кто-то другой. Она понимала, что снова открывает дверь, которую с облегчением захлопнула.

Конечно, Бретт ничего не оставалось, кроме как извиниться в ответ.

– Понимаю – мне тоже жаль. Я перешла грань...

И Сунна возненавидела себя за свои следующие слова и за жалобный и умоляющий голос, которым она их произнесла:

– Может быть, забудем, а, пожалуйста? Типа все это. Я хочу, чтобы мы оставались подругами.

– Да. Я тоже. – Голос Бретт звучал искренне, но Бретт бы-

ла хорошей актрисой.

А потом они еще долго разговаривали по телефону, и Сунна знала, они обе думают об одном и том же.

«Интересно, как взрослые обрывают дружбу?»

Сунна и Бретт дружили более десяти лет. Они служили друг другу единственной поддержкой в бесчисленных передрягах и разочарованиях. Они вместе учились, вместе работали, вместе жили. У них была общая история. Зачем обрывать дружбу, которой можно было только позавидовать? Это просто неблагодарность!

Но в тот день Сунна пришла к Бретт, они обнялись и стали говорить, как они счастливы, что не потеряли друг друга, и Сунна даже прослезилась и подумала: «Я что, говорю искренне? Наверняка! Я даже плачу...»

Она забрала куртку, попрощалась и, закрыв за собой дверь, почувствовала себя немного лучше. Все в порядке. Их дружбе далеко не конец.

Это настроение опасливого оптимизма сохранялось у нее всю дорогу до станции Оссингтон. Там она вошла в вагон метро и уныло уселась под огромным баннером с надписью: «Инициатива 30–35-летних: будущее Торонто в надежных руках!» На нем красовалось сияющее фото никого иного, как ее закадычной подруги Бретт. Самое известное и перспективное золотое VIP-дитя. Образец для всех, кто хотя бы на секунду моложе нее, источник вдохновения для всех остальных. Плакат обращался к Сунне, говоря ей: «Посмот-

ри на эту женщину. Посмотри на себя. *Дружба врозь*».

Но они нарушили естественный ход вещей. Из-за дурацкой куртки. Они снова были «подругами», и теперь встречались за кофе каждую неделю, потому что не знали, как взрослые обрывают дружбу.

В их отношениях едва теплилась жизнь. Встречи за кофе были мучительными: Сунна вежливо расспрашивала о последних кампаниях Бретт, о спонсорстве и выступлениях. Бретт, в свою очередь, наклонялась через стол, понижала голос, делала озабоченное лицо и говорила с Сунной так же, как она говорила со своей огромной аудиторией в Инстаграме.

– Сунна, – говорила Бретт, наморщив лоб, как будто старалась как можно тщательнее подобрать каждое слово, – я знаю, что твоя работа приносит тебе деньги, но приносит ли она удовлетворение? Пребываешь ли ты в БЖЗ?

В этом была беда Бретт. Она не могла перестать работать на публику даже в самой обыденной беседе. Она всегда была в образе, всегда – Бретт Жаклин Залещук, создательница империи социальных сетей «Благоприятная жизненная зона». Всегда готовая помочь простым смертным в их жалких попытках походить на нее. Сунна ненавидела это, но во имя «дружбы» натянуто улыбалась и уверяла Бретт, что она неизменно пребывает в БЖЗ, – заявление, от которого ей хотелось выплеснуть горячий кофе прямо в собственную физиологию.

Иногда подружки вспоминали колледж; временами одна делилась чем-то тяжелым или грустным, а другая ее утешала; обе помнили, что их отношения, пусть напряженные и искаженные, дороги каждой, и никуда они друг от друга не денутся. Как родственницы.

В конце каждой встречи, повинувшись какому-то странному взаимному порыву вежливости, одна из них говорила: «Увидимся на следующей неделе?» И они назначали очередную встречу.

Сегодня Сунна пришла первой и потягивала черный кофе, заняв последний свободный столик в маленькой кофейне, совмещенной с коктейль-баром, на Мьючуал-стрит. Бретт опаздывала: пятнадцать минут, двадцать. Сунна почувствовала раздражение. Так похоже на Бретт: наверняка забыла или сочла, что у нее есть дела поважнее. В следующий раз Сунна обязательно отчитает ее. Это будет полезно, чтобы с территории осторожности и вежливости вернуться на знакомую почву: Сунна всегда говорила то, что думала.

Но следующего раза не было. Бретт не позвонила, чтобы объяснить, почему не пришла, или хоть как-то извиниться. Она вообще не позвонила. Их встречи за кофе прекратились, и несколько недель спустя Сунна заметила, что Бретт отписалась от нее в Инстаграме.

Определенность как будто должна была обрадовать Сунну. Но чувства не выбирают, так же как не выбирают родственников.

Последняя воля и завещание Ребекки Финли

Ларри

Ларри Финли не имел права продавать дом на Монреаль-стрит, но и жить в нем тоже не мог. В завещании так и сказано: «Завещаю Ларри Финли свой дом при условии, что он: а) не продаст его; б) не будет слушать в нем музыку, написанную после 1952 года; в) не станет его красить; г) не посадит цветы во дворе перед домом; д) не станет подниматься на чердак и никому не позволит подниматься на чердак; е) ...»

Завещание продолжалось в том же духе: почти полный алфавит странных, в основном ничем не обоснованных правил.

По мнению Ларри, это была глупость. Если он не сможет слушать в доме свою любимую музыку, он не сможет в него переехать. И вообще, если дом нельзя продать, нельзя в нем жить, если в нем есть запретные места, а предписаний больше, чем в церкви, что хорошего в таком наследстве? Поначалу казалось, что получить бесплатный дом – здорово, но теперь это его просто бесило.

По дороге от адвоката Ларри зашел в продуктовый магазин, чтобы купить картофельные дольки. Он всегда так поступал, если хотел взбодриться. На это было две причины: во-первых, он любил картофельные дольки, а во-вторых, ему нравилась по-матерински заботливая кассирша, которая, как по волшебству, всегда оказывалась на месте, когда ему нужны были бодрящие дольки.

– Привет, Ларри. Как будете платить? – Эндж всегда улыбалась ему так, словно была рада его видеть, словно ждала его и опасалась, что он не придет. И ему казалось, что, приходя в магазин, он уже совершает доброе дело. Он чувствовал то же самое по отношению к ней и всегда хотел сказать ей об этом. – Наличными?

– Привет, Эндж, – ответил он, нащупывая в кармане кошелек. – Да, наличными.

– Ларри, у вас все в порядке?

– Да, просто... немного... не в духе. Извините. Я сегодня унаследовал дом.

Эндж фыркнула.

– Вот ведь ужас какой.

– Да нет, дом-то хороший. Славный. Знаете, такой большой на Монреаль-стрит? С башенкой наверху? Вообще-то из него хотели сделать исторический памятник или что-то в этом роде. Он принадлежал моей тетке, а она придумала кучу... необоснованных запретов. Она была... – Он сделал страдальческое лицо.

– Понятно, – кивнула Эндж. – Ну, если захотите избавиться от обузы...

Ларри рассмеялся. Он понимал, как это звучит. Она всегда умела заставить его услышать самого себя.

– Спасибо, Эндж. Буду иметь вас в виду.

Кто-то поставил коробку с хлопьями на ленту конвейера у его локтя, и Ларри обернулся. Там стояла женщина и осторожно выкладывала продукты из перекинутой через руку корзины на прилавок, как будто собирала головоломку. У нее были маленькие, близко посаженные карие глаза и доходившие до подбородка вьющиеся волосы, выкрашенные в ярко-голубой цвет – цвет пятицентовых леденцов в форме кита. Ее лицо было сплошь украшено крошечными серебряными обручами и заклепками, на ногах – армейские ботинки. Она была прекрасна. Подняв глаза, она поймала взгляд Ларри.

– Похоже, вы часто здесь бываете, – сказала она и улыбнулась Эндж.

Ларри знал, что ему не пристало смотреть на красивых людей, потому что сам он таковым не был. Он был худ, но худоба эта была следствием потребления фаст-фуда и быстрого обмена веществ, а не результатом занятий спортом и протеиновых коктейлей. У него были следы от прыщей, козлиная бородка и видная невооруженным глазом склонность к панк-року 1980–1990-х годов. Он все еще носил кошелек на цепочке. Ему было сорок три.

Ему не следовало смотреть, но он все равно смотрел – даже, как он сам понимал, пялился – и наконец отвел глаза и издал нервный смешок, прозвучавший, увы, как пронзительный взвизг.

– Каждый день, – сказал Ларри, и ему тут же стало неловко от признания, что он каждый день ходит в продуктовый магазин. Взвизг ему тоже не понравился.

Намеренно или ненамеренно его спасла Эндж, за что он был ей невероятно признателен.

– Ларри – мой любимый клиент, – сказала она. Она, наверное, говорила это обо всех своих клиентах. – Он всегда приносит мне самые интересные монеты.

Ларри уткнул подбородок в грудь и откашлялся.

– Эндж собирает монеты, – объяснил он. – Я ничего не понимаю в нумизматике. Просто приношу ей все, что выглядит старым или странным. О! Кстати, вот... – Он полез в

карман куртки и вытащил пятицентовик, который приберегал для Эндж. – Вот эта клевая, – сказал он, забыв о стоявшей в двух шагах прекраснейшей женщине. – Посмотрите на края – прямоугольные! Всего двенадцать сторон. Вы когда-нибудь видели такое?

Эндж кивнула с одобрительной улыбкой, сложила картофельные дольки в пакет и отдала ему в обмен на монетку.

– Спасибо, Ларри! Мне не терпится разглядеть ее.

Когда он хотел уйти, стоявшая за ним женщина откашлялась, и он оглянулся на нее. Она смотрела на него как-то странно, как будто своим кашлем хотела привлечь его внимание, но теперь не знала, как себя вести.

– Мне нравится ваша футболка, – сказала она. Да, на Ларри действительно была футболка, и женщина смотрела прямо на эту футболку, но трудно было поверить, что она обращается к *нему*.

Он оглянулся на Эндж, ища помощи.

– «Потомки», – прочитала Эндж, заметив его замешательство. – Это что...

– Панк-рок-группа, – сказала женщина. И добавила, посмотрев Ларри прямо в глаза: – «Майло идет в колледж» – потрясающий альбом.

Ларри никогда раньше не влюблялся; он всегда думал, что это будет медленный, постепенный процесс, который может занять недели, месяцы или даже годы. В физическом влечении он был подкован хорошо, у него была куча связей,

осмысленных и не очень, но он так и не знал, что нужно, чтобы понять, что любишь кого-то.

Но, как оказалось, влюбленность была именно тем, что подразумевало это слово. Любовь была похожа на канализационный люк: нечто, о чем знаешь, но не думаешь, пока кто-то не оставит крышку открытой; и вот ты спотыкаешься, и в животе екает, как на американских горках, и чувствуешь восторг, смешанный с ощущением, будто тебя вот-вот стошнит. Бестолково, больно, головокружительно. Потрясающе.

Это и случилось с Ларри, когда он посмотрел ей в глаза. Он потерял бдительность, перестал смотреть, куда идет, споткнулся и плюхнулся вверх тормашками прямо в любовь.

Он кивнул, не в силах оторвать от нее глаз.

– А можно ваш номер телефона? – спросил он, затаив дыхание.

Женщина расхохоталась, и это было хорошо, потому что Ларри не пережил бы столь серьезного промаха, если бы она подумала, что он не шутит. Но его облегчение длилось всего миг. Ему тут же пришло в голову, что смех – не самая адекватная реакция на просьбу дать номер телефона, если за ним немедленно не следует номер телефона.

В кармане зажужжал мобильник, и снова Ларри не знал, хорошо это или плохо. Скорее хорошо. Ему нужно идти. Все кончено; он все испортил. Он взглянул на экран. Гленда. Его старшая сестра, которой он звонил по дороге в магазин, чтобы пожаловаться на дом и завещание; ей-то тетка оставила

«линкольн Континенталь» 1974 года без каких-либо условий. Гленда могла сидеть в нем, водить его, лазить в бардачок. Она могла посадить в багажнике цветы, чтобы все любовались. Это было нечестно.

– Извините, – сказал Ларри, показывая телефон, – нужно ответить. Сестра. В смысле, моя сестра, не какая-нибудь сестра-кармелитка. – Он откашлялся. – Ну вот. Рад был вас видеть, ребята. В смысле, вас, Эндж.

Эндж, похоже, была готова вновь ринуться на помощь, но оба понимали, что поздно.

Он повернулся и быстро пошел прочь, прижав к уху телефон и сжимая в руке пакет с картофельными дольками, как будто это был кошелек. Про себя Ларри думал, что, хотя и насладился короткой встречей с любовью, отныне ему, вероятно, придется избегать ее. Это отняло у него все силы, но кончилось ничем. Ему стало жаль себя. Сначала дом, теперь это.

– Привет, Гленда, – сказал он.

– Ну как?

– Дичь. Мне достался дом.

Молчание.

– Но послушай, Гленда, не все так просто. Там целая уйма каких-то диких правил, их все надо соблюдать, если я хочу оставить дом себе. Просто идиотские правила. Это вообще разрешено?

– Что разрешено?

– Да вот это, вписывать в завещание такие странные, ни на что не похожие правила. Это ведь не разрешено? В смысле законом?

Гленда помолчала, как всегда, когда она собиралась поиграть в адвоката дьявола. Ларри ненавидел это молчание.

– Знаешь, я где-то читала, что Наполеон Бонапарт попросил в завещании побрить ему голову и раздать волосы его друзьям. Странно и ни на что похоже, правда ведь? Но попробуй разобраться, спроси адвоката, можно ли заставить тебя соблюдать эти правила. Кстати, в чем они заключаются?

– Ну, нельзя ходить на чердак...

– Ларри. Тебе вряд ли захочется подниматься на чердак, верно? После того, что там произошло.

– Нет, я не хочу на чердак. Но хочу, чтобы мне позволялось туда ходить. Это совсем другое дело. И вот еще, Гленда: нельзя сажать цветы во дворе перед домом.

– А ты что, собирался посадить цветы?!

– Еще раз: я просто не хочу, чтобы мне запрещали, неважно, хочу я или нет. Гленда, мне даже не позволено *жить* в этом доме.

– Что-о? – Голос Гленды звучал не то скептически, не то ошарашенно. – Она так и сказала – тебе нельзя в нем жить?

– Ну, не совсем. Она сказала, что мне нельзя слушать в нем мою музыку.

– Но это... не одно и то же. Совсем даже.

– Для меня – одно и то же, – торжественно объявил Ларри.

– Кончай ныть, Ларри, – сказала Гленда резким, прерывистым голосом. Вероятно, она разговаривала с ним по громкой связи. Она не умела просто сидеть и говорить по телефону: ей непременно нужно было делать что-то еще. – Ведь она завещала тебе дом.

– Я и не ною, но она вовсе не завещала мне дом. Дом, в котором можно жить – с удобствами. В котором можно слушать все, что хочешь. Который можно украшать, как хочешь, и ходить по всем комнатам. Который можно продать, если надоест. А она оставила мне громадный ящик, от которого я не могу избавиться. Ящик, в котором умирали люди. Гроб площадью в две тысячи квадратных футов.

– Но ты же можешь его сдавать!

Ларри оперся о свой автомобиль. Почему это не пришло ему в голову? У столь конкретных правил был один плюс: не нужно было гадать, что можно, а чего нельзя. В правилах не говорилось, что в доме нельзя поселить других людей. Дом большой, в нем может жить куча народу. Ларри мог бы остаться в своей квартире и получать арендную плату, достаточную, чтобы оплачивать жилье, и даже больше. Он мог бы даже уволиться с работы. *Ага.*

– Может быть, и могу, – пробормотал он.

– Дом большой, – сказала Гленда. Ей нравилось читать его мысли и повторять их, как попугай-телепат. – Можешь поселить там кучу народу. А сам останешься в своей обшарпанной квартирке и будешь получать арендную плату, достаточ-

ную, чтобы уволиться с работы. – Теперь ему казалось, что сестра злится, хотя кто ее знает. – Она всегда больше любила тебя и Джима.

– Что ж такого она завещала Джиму?

– Он получил те картины дяди Гарнета – пейзажи. С них, конечно, не разбогатеешь, но они симпатичные. Будут хорошо смотреться в его доме. А я тем временем завезу свою новообретенную тачку прямиком на свалку, потому что тетя Ребекка меня явно недолюбливала.

– Гленда!

– Ларри!

– По крайней мере, в «линкольне» не водятся привидения.

– Ларри!

– Гленда.

Но Ларри был прав. В бардачке «линкольна» привидения не водились. А в доме, как было всем известно, обитало по меньшей мере два: предполагалось, что одно из них было призраком дяди Гарнета, который более двадцати лет назад выволок на середину чердака сундук, забрался на него и повесился, а вторым был его деловой партнер, который сделал то же самое вслед за дядей Гарнетом.

За эти годы тетя Ребекка привыкла к привидениям. Она всегда всем разъясняла, чего хотят и чего не хотят призраки, кого они не желают видеть, какая им нравится музыка и так далее. Например, им не нравился Ронни, дядя Ларри, поэто-

му Ронни не разрешалось приходить в гости. «Привидения у нас капризные, – говорила тетя и, как будто извиняясь, пожимала плечами. – *Мне*-то ты нравишься, Ронни, – сказала она, сообщая ему неприятное известие, – но в этом доме порядки устанавливают *они*».

Ларри не верил в призраков до осени 1993-го. Все семейство Финли собралось за обеденным столом, кто-то включил радио, и оттуда, словно мартовская кошка, заголосила Селин Дион. Тетя Ребекка неодобрительно покачала головой и сказала: «Эта женщина воеет, как мартовская кошка. Привидениям это не понравится». Но никто не выключил радио. И тогда дверь на чердак начала открываться и закрываться, открываться и закрываться: Бах! Бах! Бах! Бах! Тетя Ребекка, уставившись в свою тарелку с горошком, скорчила рожу, дескать, я же вам говорила. «АМ-1190», – устало произнесла она, как будто ее утомила их наглость.

Радио переключили на АМ-1190, где транслировался матч «Блю-Джейз» и «Филлиз». Грохот прекратился. Похоже, бейсбол был призракам по душе.

Тетя Ребекка с самодовольным и всезнающим видом откинулась на спинку стула и заявила: «Призраки *ненавидят* Селин Дион». С этого момента все Финли поверили в призраков. Ларри тоже поверил и теперь предполагал, что на чердак ему нельзя из-за самоубийств, в результате которых в доме и завелись привидения. Вероятно, с ними были как-то связаны и запреты продавать дом или сажать цветы – если

бы Ларри пришло в голову сажать цветы. И именно из-за них он собирался выполнять все эти распоряжения до последней буквы, хотя любой другой наверняка бы их проигнорировал, если бы только закон позволил.

Но о том, что дом нельзя сдавать, привидения и не заикались.

В конце концов Ларри нанял нескольких подрядчиков и превратил дом в три отдельные квартиры. На цокольном, первом и втором этаже. Привидения в работы не вмешивались, хотя один из рабочих утверждал, что, когда все уходило на обеденный перерыв и он оставался там один, откуда-то слышалось пение. По мнению Ларри, привидения были довольны тем, что он соблюдал правила. Хотя Ларри нравилось строить из себя бунтаря, на самом деле он с удовольствием угождал людям. (В данном случае – бывшим людям.)

В последний день ремонта он проверил дверь на чердак, куда можно было попасть из комнат второго этажа. Она была заперта, а единственный ключ, который ему выдали, – ключ от входной двери – к замку не подходил.

Этим все решилось, и Ларри это устраивало. На самом деле теперь, оказавшись один на один с этой дверью и вспоминая тот день в 1993 году и прочие подобные случаи, он почувствовал только облегчение. Он не смог бы спать в этом

доме, даже если бы имел такую возможность.

Он не сомневался, что без труда найдет жильцов. Рай-он был стабильным, безопасным, удобно расположенным. Немного пройдешь пешком на северо-запад – и центр, чуть-чуть прогуляешься в противоположном направлении – и озеро Васкана. Монреаль-стрит тихая и широкая, обсажена старыми деревьями, и сам дом славный: светло-голубой с белой отделкой, большое деревянное крыльцо, огороженная перилами площадка на крыше, а во дворе растет высоченный маньчжурский ясень, корни которого начали пробиваться сквозь асфальт тротуара. И никаких цветов, как и хотели привидения.

Устанавливая на лужайке табличку «Сдается», Ларри подумал о женщине из продуктового магазина. Вдруг она ищет жилье? Но тут же он вспомнил и ее смех. Как будто сама мысль о том, что такая женщина, как она, даст номер телефона такому, как он, была настолько нелепой, что ответ даже не требовался, и они оба это знали.

Первая съемщица позвонила в тот же день и выразила желание въехать немедленно. Ее звали Мод, и это не была женщина из магазина. Она оказалась сухой и угловатой, часть ее персоны скрывалась под большой развесистой шляпой. Она сняла квартиру наверху, 2139А. По возрасту она как будто годилась Ларри в бабушки, но была для этого недостаточно уютной. С собой она привезла кошку и диван (который называла «честерфилдом»). Мод казалась хрупкой и плакси-

вой; она сказала, что это единственное имущество, на которое она еще может смотреть без слез, а все остальное она наконец-то распродала. Ларри не спросил, почему, хотя ему показалось, что она напрашивается на расспросы: прошептав эти слова как будто в воздух, она искоса посмотрела на него, чтобы оценить его реакцию.

Перед тем как он ушел, она похвалила его футболку с надписью «Герои Хогана»¹, пробормотав что-то о «телевидении, которое тогда было хорошим», и у него не хватило духу объяснить, что майку он купил на панк-шоу, что «Герои» – это группа, которая ему нравится, и что он в жизни не видел ни одного эпизода из допотопного сериала.

Неделю спустя в цокольную квартиру, 2139С, въехала студентка университета по имени Маккензи. Маккензи была высокой, уверенной и спортивной, с иссиня-черными волосами и яркой татуировкой, тонкие линии которой тянулись от локтя до рукава футболки, как цветные вены-паутинки. С виду Маккензи, пожалуй, смахивала на представительницу столь любимой Ларри панк-сцены времен его молодости, но все же это было не то: слишком изящна эта татушка, полускрытая в рукаве, да и вся она слишком чистенькая, зализанная и новомодная. (Панк превратился в сплошное позорище. Хотя Ларри и старался не зацикливаться на этом, у

¹ «Герои Хогана» (Hogan's Heroes) – телевизионный сериал 1965–1971 гг.; также название американской хардкор-панк-группы, образованной в Нью-Джерси в 1984 г. (Здесь и далее прим. пер.)

него плохо получалось.)

Как у любого юного существа, только что выпорхнувшего из родительского дома, мебели у Маккензи было еще меньше, чем у Мод. Но чемоданов у нее оказалось видимо-невидимо, как будто ей каждый час требовалась новая рубашка. С подружкой примерно того же возраста они подъехали на двух машинах, перетаскали вещи Маккензи вверх по ступенькам крыльца и вниз по лестнице в подвал, словно два муравья, собравшихся на пикник, а потом еще битый час болтали и смеялись на крыльце. Все это время Ларри неловко топтался рядом, чтобы наконец отдать ключи.

Наконец подружка уехала, прихватив пару пустых чемоданов. Вместе с ней, казалось, уехала и спокойная уверенность Маккензи, и та внезапно превратилась в обычную тихоню. Она как будто перестала соответствовать своей одежде и коже: как будто кто-то другой побывал в ее теле, нарядил его и разукрасил, а потом бросил ее в чужих дырявых джинсах перед чужим домом, сбитую с толку и растерянную.

Она едва слышно пробормотала «спасибо», взяла у Ларри ключ и юркнула в свою квартиру. Ларри услышал, как Маккензи захлопнула дверь, заперла ее на замок и задвинула задвижку.

«Главная» квартира 2139В, занимавшая весь первый этаж, пустовала почти целый месяц, и наконец ее сняла женщина по имени Сунна. У нее были длинные блестящие ногти, короткие блестящие волосы и аккуратный ряд белых бле-

стящих зубов во рту, улыбавшемся, не затрагивая остальной части лица. Она была необычайно красива, но совсем не той красотой, что женщина из продуктового магазина. Если та женщина могла бы украсить собой обложку любимого панковского журнала Ларри «Бритвенный пирог»², Сунна больше подошла бы для рекламы духов. Или могла бы играть адвоката в телесериале.

Отношения с Сунной сложились не очень хорошо: когда он подошел, чтобы отдать ей ключ от дома, она осторожно взяла ключ большим и средним пальцами, как будто он был грязным, коротко сказала «спасибо» и открыла дверь, даже не взглянув на Ларри, хотя он продолжал болтать о ключах, почтовых ящиках и соседках, живущих в 2139А и 2139С. Но все же с того дня при каждом телефонном звонке он надеялся – а вдруг это она просит его починить посудомоечную машину или что-то в этом роде. Он не влюбился лишь потому, что теперь был настороже.

О привидениях он не сказал жильцам ни слова. Скоро они сами все узнают.

² «Бритвенный пирог» (Razorcake) – американский тематический журнал («фанзин»), посвященный субкультуре панков, в первую очередь музыке.

Жильцы Монреаль-стрит 2139 получают письмо

Сунна

Сунну перевели на работу в другой город, и она изо всех сил пыталась не принимать это как личное оскорбление. Не то чтобы она хотела остаться – наоборот, больше всего на свете ей хотелось уехать, но ей не нравилось, что ее направляют как будто в ссылку. Отъезд должен был стать исключительно ее инициативой, так, чтоб остальные умоляли ее не уходить.

Но сеть «Огненный фитнес» расширилась, появились но-

вые филиалы в Альберте и Саскачеване, и с точки зрения логистики наиболее разумным было отправить туда Сунну. Так что Сунне приходилось делать вид, что ей грустно (не хочется уезжать), но не слишком грустно (чтобы не передумали и не послали кого-то другого); на самом деле она чувствовала только облегчение. Она должна была уехать из этого города, где все знали Бретт, но не знали Сунну, где лицо Бретт улыбалось с рекламных щитов и вывесок в метро и украшало собой модные мероприятия и благотворительные ужины, куда ее наперебой приглашали. Город принадлежал Бретт; Сунне давно не хотелось здесь жить, но до сих пор у нее не было повода уехать.

Теперь Сунна летела на запад и почти всю дорогу размышляла обо всем, что обычно беспокоит тех, кто снимается с насиженного места. Бежала ли она «прочь» от старого или «навстречу» новому? Потерпела неудачу или переросла свое окружение? Был ли ее переезд глупо импульсивным или волнующе спонтанным? Наконец самолет приземлился в городе, где ей отныне предстояло жить. Реджайна, Саскачеван. Город королевы. Динамичная столица Большого Зажопья. Сунна успела прийти к самым нелестным для себя выводам. Она бежала прочь – от Бретт. Она потерпела неудачу во всем, за что когда-либо бралась, и ее согласие на переезд – большая ошибка, вызванная страхом и вечными промахами.

Но, даже совершив ошибку, можно ее исправить. Обратный рейс стоит несколько сотен долларов, а такси из аэро-

порта до отеля – всего пятнадцать. И может быть, в этом крошечном городе она найдет свое счастье. И найти его будет нетрудно: здесь так мало места, что ему попросту негде прятаться.

Несколько дней спустя она нашла более или менее постоянное жилье и приняла ключи от дома от тощего парня, одетого, как четырнадцатилетний подросток. Он боялся посмотреть ей в глаза, но без умолку болтал о ключах, почтовых ящиках и других жильцах, живущих выше и ниже нее. Совсем не таким она представляла себе владельца этого великолепного особняка.

А еще неделей позже, когда она достала из ящика письмо, ей и в голову не пришло, что оно могло предназначаться ей. Ее друзья не пользовались черепашьей почтой. И, если честно, у нее не было друзей.

Перед отъездом из Торонто несколько человек, которых она когда-то называла друзьями, устроили ей прощальную вечеринку. Они делали грустные лица и обещали поддерживать связь, но Сунна этого не ждала, и ее совершенно не беспокоило, получит ли она от них известия. Ее отъезд не то что обрывал все эти связи, но был явным и подобающим поводом больше не общаться. Как будто она начала таять в воздухе уже во время отъезда, но никто ничего не замечал, пока голос с как будто пустого стула не произнес: «Ну, мне, пожалуй, пора».

Стало быть, это письмо не ей, а кому-то из жильцов. Домо-

владелец говорил, что в ближайшее время установит отдельные почтовые ящики и дверные звонки для каждой квартиры, и ах как жаль, что он не подумал об этом раньше. И извинялся без конца. Ее бесило, когда люди извинялись, ища себе оправдания.

Она полезла в почтовый ящик, приподняв плечо, чтобы сумочка не свалилась на крыльцо. Конверт вместе с парой рекламных листов наполовину утонул в луже ржавой воды.

– Фу, какая гадость, – сказала Сунна, подцепив грязные бумажки кончиками акриловых ногтей. Позади нее кто-то цокнул языком.

– Жуткий ящик. Надо поговорить об этом с Ларри. Каждый раз, когда идет дождь, он наполняется, как ванна, и мои купоны портятся.

Сунна подняла глаза. Рядом стояла пожилая женщина, качала головой и, словно младенца, баюкала в руках хозяйственную сумку. На шее – очки на бисерной цепочке, на голове – нелепая коктейльная шляпа в стиле «дерби в Кентукки», украшенная сбоку букетом из перьев и цветов в натуральную величину. Шляпа выглядела бы нарядной, не будь она целиком черной, из-за чего казалось, что перья выдернуты из хвоста вороны, а цветы прибыли прямиком из эпизода похорон в фильме Тима Бертона. За исключением этой странной готической шляпы все в женщине было резким и деловитым, от носа и ключиц до складок на брюках.

– С Ларри?

– С хозяином, – сказала женщина. Голос у нее тоже был резким.

– А, ну да. Верно, Ларри, – смущенно сказала Сунна.

– Меня зовут Мод, – сказала женщина. – Я живу этажом выше. – Ее тон, казалось, говорил: «Я во всех отношениях этажом выше».

– Ясно. Я живу на первом этаже. Я – Сунна.

– Хм. – Рот женщины презрительно скривился, как будто ей не нравились имена, отсутствовавшие в самых старых телефонных книгах Канады.

Сунна посмотрела на мусор, который держала в руке так, чтобы ржавая вода из почтового ящика не капала ей на туфли.

– Вообще-то вы правы. Это... ох. Какого...

– Э-э? – произнесла Мод, глядя Сунне прямо в глаза. Ветер шевелил перья на ее шляпе, и они двигались, как призрачные черные пальцы.

– Только посмотрите, – сказала Сунна. Она выудила размокший конверт из складок рекламных листов и подняла его так, чтобы было лучше видно. – Половина оторвана начисто. А второй половины не разобрать. Что бы это...

– Представления не имею, – сказала Мод.

– Может быть, собака? – пробормотала Сунна.

– Ну, ясное дело, – сказала Мод, которая всего секунду назад думать не думала ни о каких собаках. Она выхватила из рук Сунны рекламный проспект супермаркета, оставив

без внимания письмо. Открыв страницу с купонами, Мод нахмурилась.

– Нет, вы только посмотрите, – Она подняла проспект повыше, и Сунна увидела, что его постигла та же участь, что и письмо. – Нужно обязательно поговорить об этом с Ларри. Невозможно сканировать купоны после того, как они провели ночь в воде, или когда штрих-код вот так оборван. И так почти каждую неделю! Мне несколько раз пришлось платить полную цену за товары, на которые у меня были скидки. Пусть Ларри возмещает мне убытки!

– Не уверена, что он... – Сунна осеклась. Все это ее не касалось и, как она чувствовала, не должно было касаться. Она помахала промокшим письмом. – Вот. Наверное, это письмо вам или кому-то еще из жильцов. Это не мне.

– Почему вы так уверены, что не вам? Потому что оно испачкано? Разорвано?

– Нет. Просто я никогда не получаю писем.

– Кому оно адресовано? – спросила Мод.

– Никому. Видите? Половина оторвана. Наверное, вместе с адресом.

– Почему тогда почтальон решил бросить его в наш ящик?

– Наверное... наверное, оно разорвалось уже в ящике. – Нет, это какой-то бред. Не могла же собака залезть в почтовый ящик, испортить его содержимое и положить остатки обратно. Может быть, сумасшедший сосед? Или несносные подростки с их идиотской манерой развлекаться?

– О, – сказала Мод. – Ну что ж...

– Вот именно, – произнесла Сунна, чувствуя, будто она выиграла какую-то безмолвную схватку.

Мод, хмурясь, перевела взгляд с Сунны на ясень и на небо. Сзади подъехала машина, в которой гремело радио. Автомобиль остановился, Сунна повернулась и тоже нахмурилась. Из машины выскользнула коротко стриженная девица. Похоже, сначала она удивилась, увидев, что на крыльце кто-то есть, потом заволновалась. Она подбежала к ним по тротуару и резко остановилась на ступеньках крыльца. Она была высокая и широкоплечая, спортивная, но застенчивая, энергичная, но ее энергия казалась нервической. Девушка сделала странный короткий жест, будто хотела помахать рукой, и улыбнулась, не замечая, что обстановка на крыльце несколько напряженная.

– Привет, – сказала она. – Я – Маккензи Саймонс. А вы мои соседки? Ужасно рада познакомиться, я все гадала, кто еще здесь живет. Странно ведь не знать, кто живет с тобой в одном доме, правда? Это... неправильно... – Маккензи постепенно замолчала, и ее улыбка слегка дрогнула.

Сунна улыбнулась в ответ, пытаясь стряхнуть с себя раздражение, которое вызывала у нее Мод.

– Привет, Маккензи. Меня зовут Сунна. Я живу на первом этаже. Это Мод – она наверху.

Мод кивнула.

– Меня тоже интересовало, увижу ли я когда-нибудь ко-

го-нибудь из вас, и вот наконец мы все встретились. – Она говорила так, будто давно ждала этого момента, чтобы облегчить душу. – Очень хорошо. Я хотела поговорить с вами обоими о вашем *распорядке*.

– О нашем...

Улыбка Маккензи не померкла, даже когда Мод перебила ее:

– Да, о *времени*. Вы уходите и приходите в очень странное время. Двери в доме громко хлопают. *Вы* ими хлопаете, а *меня* это будит. – Говоря, Мод выразительно кивала, как будто подчеркивала кивками самые главные слова.

Сунна открыла рот, чтобы возразить. Она пробыла здесь всего неделю и никуда не выходила, разве что в магазин или на работу. Правда, на работу она уходила очень рано. Занятия в спортзале начинались уже в пять утра, но разве это так уж неслыханно? Многие уходят на работу ни свет ни заря. И она никогда не хлопала дверью и вообще не шумела. Она, конечно, не из тех, кто ходит на цыпочках, но все же не такая она эгоистка.

Однако Маккензи принялась извиняться всерьез.

– Ох, это, наверное, из-за меня! – сказала она. – Извините, пожалуйста! Занятия начинаются очень рано, а с работы я прихожу поздно. Мне так...

– Ничего страшного, – вмешалась Сунна. – Так всегда бывает, когда не располагаешь собственным домом и снимаешь квартиру. Ты не шумишь и, как и все мы, имеешь полное

право закрывать двери, когда тебе захочется. Ты ведь тоже платишь за проживание здесь.

Мод разинула рот, и Сунна почувствовала, что снова выиграла.

– Вообще-то, – продолжала Сунна, – мы как раз говорили об этом. – Она подняла вверх мокрое письмо, которое все еще держала кончиками ногтей. – Нашла его в почтовом ящике; половина оторвалась. Странно, правда? Вряд ли это мне, и, прежде чем его читать, я хотела бы знать, не ждет ли письма кто-нибудь из вас.

– Хм. – Маккензи отреагировала вежливо, но равнодушно. – Я не жду, честно говоря, даже не представляю, кто стал бы мне писать. Скорее всего, это не мне. – Обе посмотрели на Мод. Вероятно, обе думали одно и то же: старики все еще пишут письма на бумаге.

Мод снова поцокала языком.

– Ну и не мне. Почему бы вам просто не прочитать письмо? Тогда мы узнаем, кому оно.

– Хорошо, – согласилась Сунна, разворачивая промокшую бумагу.

– Ну? – поторопила Мод.

Сунна нахмурилась.

– Коротко и мило, – сказала она. – Правда, слишком коротко, потому что половины не хватает. Видите? – Она протянула письмо. – Чернила с правой стороны расплылись, так что буквы едва различимы, а левая часть письма отсутству-

ет вовсе. Не могу прочитать все, что там написано. – Сунна поднесла письмо к самым глазам.

– Читайте, – скомандовала Мод. – Вслух.

– Я в буквальном смысле не могу прочитать, – сказала Сунна.

– Я хочу сказать, – стальным голосом произнесла Мод, – читайте то, что можете разобрать. Вы сказали, что *в буквальном смысле* не можете прочитать *все*, что там написано. Это *буквально* означает, что вы можете прочитать *часть* того, что там написано. Может быть даже *большую часть*. Если мы говорим *в буквальном* смысле.

Женщины обменялись уничтожающими взглядами, а Маккензи полностью сосредоточилась на сломанном ногте своего большого пальца.

– Прекрасно, – сказала Сунна, стараясь, чтобы ее голос звучал беспечно. – Половины не хватает, но... – Она прокашлялась, поднесла бумагу к самым глазам и демонстративно сощурилась. – Итак, в письме, вернее, в том, что от него осталось, говорится...

– Обращение? Приветствие? – перебила Мод.

– Я делаю все, что могу, Мод, – стиснув зубы, сказала Сунна. У нее начало ломить затылок. – Нет тут никакого приветствия. Оно было бы здесь. – Она ткнула в воздух, где должна была быть левая сторона письма.

– Досадно, – сказала Мод.

– Итак, Мод, я собираюсь прочитать это.

– Да, хорошо, – сказала Мод, как будто не понимая, зачем Сунне понадобилось это предисловие. – Давайте.

– Сейчас, – сказала Сунна, пытаясь сбросить вдруг охватившее ее напряжение. – Вот, слушайте:

прощения, так хотелось повидаться – жаль,
что не
по пути. Прошло уже столько времени, и за
это тоже изви
что застану дома, но глупо было рассчитывать.
Может
стаканчику сегодня днем? У аэропорта.
Если найдется

Сунна умолкла. Внизу письма вместо подписи стояла крошечная буква Б. Может быть, это все-таки ей? Она вспомнила, как несколько месяцев после исчезновения из ее жизни Бретт у нее екало в животе при каждом телефонном звонке: это была смесь надежды, упреждающего разочарования и гнева. Сунна отчетливо вспомнила это чувство, потому что впервые за долгое время снова испытала его.

– Ну, дальше, – потребовала Мод. В ее голосе внезапно послышалось волнение.

– Не могу. Дальше нету.

– Не может же все письмо стать нечитаемым из-за нескольких капель воды, – упрямылась Мод. – Точно ничего больше нет?

– Нет, – сказала Сунна. Возбуждение Мод взбесило ее еще сильнее. – Слушайте, Мод. Не хватает *половины* письма. Со всем.

Выражение лица Маккензи было точно таким же взволнованным, как у Мод.

– Можно посмотреть? – спросила Маккензи.

Но прежде, чем Сунна успела передать ей письмо, Мод протянула руку и сцапала его, чуть не уронив на землю сумку с продуктами. Оторвался еще кусочек бумаги, такой мокрой, что не раздалось даже треска.

– Подозреваю, что это предназначалось мне, – благоговейным шепотом сказала Мод. Она двинулась к двери и стала нашаривать ключи, локтем прижимая письмо к боку; на пальто расплывалось влажное пятно.

– Мод, я собиралась дать его Маккензи.

Маккензи с благодарностью улыбнулась.

– Но оно не для Маккензи, – сказала Мод. – Это мне. И я точно знаю, кто его написал.

– Вам *кажется*, что вы знаете, кто его написал, – поправила Сунна. – Но может быть, Маккензи тоже знает. Нельзя просто так заявить, что это ваше, не дав ей даже взглянуть.

Мод пристально посмотрела на Сунну. Потом с ног до головы оглядела Маккензи. И наконец вздохнула.

– Ну хорошо, заходите. Здесь слишком холодно.

Общая прихожая представляла собой небольшой закуток с тремя запертыми дверями: за одной находилась квартира

Сунны, за двумя другими – лестницы, которые вели к Мод и Маккензи. Мод отперла дверь справа и затопала вверх по лестнице, сжимая письмо; Маккензи и Сунна следовали за ней на безопасном расстоянии, как будто Мод была бомбой. На верхней площадке оказалась еще одна дверь, а за ней – гостиная с большими незашторенными окнами и блестящим деревянным полом. Цоканье квадратных каблуков Мод эхом разнеслось по комнате. У дальней стены стоял сине-белый диван в цветочек; он выглядел потрепанным и нелепым. На одной из подушек неподвижно, как изваяние, сидела кошка и созерцала гостей. На полу стоял телевизор с видеомагнитофоном, по обе стороны – шаткие стопки видеокассет. И больше ничего, даже пыли.

– Вы еще не въехали? – поинтересовалась Маккензи.

Мод, казалось, не слышала вопроса. Она уже скрылась на кухне. Сунна и Маккензи стояли на верхней площадке лестницы, не зная, идти ли им следом.

– Сюда! – рявкнула Мод, ее голос эхом отразился от стен, и девушки поспешили за ней. Кухня, как и гостиная, казалась пустой и нежилой. Пахло отбеливателем и лимонами. Кухонные приборы и шкафчики несколько оживляли пространство, но столешницы блестели, как новые, а на открытых полках не было ничего, кроме пластикового набора для соли и перца и пары тарелок. Еще в кухне имелся обеденный стол с четырьмя разномастными деревянными стульями, а сумка с продуктами, которую принесла Мод, теперь стояла

на полу у холодильника. Мод уже сидела за столом, письмо лежало перед ней; подсохнув, оно сморщилось под стать державшим его рукам.

– Садись, – велела она Маккензи. Сгорбленная над обеденным столом, в своей черной блузке и с острым подбородком, она напоминала Сунне стервятника. – А вы что здесь делаете?

Вопрос был обращен к Сунне.

– Вы позвали.

– Я позвала Маккензи. А вас это не касается.

Сунна демонстративно уселась.

– Это и мой почтовый ящик. Может быть, и письмо мое.

Мод нахмурилась, но не стала настаивать на своем. Она положила письмо перед собой и уставилась на Маккензи.

– Мне нужно убрать продукты – не дай бог, разморозятся прямо здесь, но сначала мы должны разобраться с этой глупостью. Прочтите-ка еще раз.

Сунна взяла письмо.

– Я уже прочла, что могла...

– Так прочтите *еще раз*.

– Замолчите, и я прочту. – Мод, похоже, обиделась, но Сунна вовсе не ощущала вины. Она откашлялась, оттягивая момент, но тут заметила выражение лица Маккензи – не то что нетерпеливое, но как будто умоляющее ее поторопиться, и наконец почувствовала себя виноватой. Она еще раз прочитала, что смогла, и добавила:

– А внизу стоит буква «Б».

Мод так и подскочила на стуле.

– «Б»? Вы об этом ничего не говорили.

– Так говорю сейчас. Разве я не сказала об этом? Ну, извините.

– Слишком важная деталь, чтобы ее упустить. – Мод снова взяла письмо и стала искать букву «Б».

– Вот она, – показала Сунна. – «Б» значит «Бретт».

– Можно? – Маккензи протянула руку, и Мод неохотно отдала ей письмо.

– По-моему, это не «Б». Это сердечко. Только кособокое, – возбужденно заговорила Маккензи. – Похоже, писала женщина. Очень красивый почерк.

– У мужчин тоже бывает красивый почерк, – сказала Мод, глядя мимо Маккензи на часы, висевшие за ее спиной на стенке. – Я знала одного с великолепным почерком. – Мод выхватила письмо из рук Маккензи и, сощурившись, стала его рассматривать. – Вот такой. Именно такой. Я почти *уверена*... – Вдруг ее тон изменился. Она вернула письмо Маккензи. – У тебя глаза помоложе, чем у Сюзен. Может быть, это буква «Р»? Буква «Р» бывает похожей на «Б» или на сердечко, разве нет?

Сунна хотела поправить Мод, но тут же передумала. Пусть Мод называет ее как угодно. Вряд ли они будут много общаться после сегодняшнего, так стоит ли сейчас заводить лишние разговоры только ради того, чтобы сказать, что ее

зовут не Сьюзен.

Маккензи пожала плечами.

– Мне так жаль, Мод. Я бы тоже хотела прочитать побольше. Но того, чего там нет, просто... нет.

Мод сжала губы и приподняла то место на лбу, где, по видимому, когда-то были брови.

– Ладно. Что ж делать.

Сунна снова взяла письмо.

– На самом деле не совсем так. В смысле что нет того, чего нет. Здесь достаточно текста, чтобы предположить, каких именно слов не хватает, верно?

– Верно, – сказала Маккензи, наклоняясь поближе. – О! Вот смотрите, «стаканчик» – это «Бумажный стаканчик». Кофейня. Как раз у аэропорта. По другую сторону от Леввана³. Очень симпатичная, кстати. Там вкусная выпечка. Вот о чем речь.

Сунна кивнула.

– Вот именно. Я слишком плохо знакома с городом, чтобы знать такие вещи. Мод, у вас есть ручка? И бумага?

Мод скорчила суровую мину и покачала головой.

– Ничего страшного. Я просто собиралась... неважно. Ничего. Кто-то хочет встретиться с кем-то днем в «Бумажном стаканчике». Дата неизвестна. А имя этого человека начинается на «Б», – сказала Сунна.

– А может быть, это сердечко, – сказала Маккензи.

³ Название аэропорта в Саскачеване.

– Или «Р», – сказала Мод.

– И это, – Сунна сложила письмо и положила его на середину стола, – это все. Я *буквально*, – она посмотрела прямо в глаза Мод, – не могу прочесть ни слова больше.

– Вы забыли главное, – сказала Маккензи.

– Что же?

– Тот, с кем хотят повидаться, – это либо я, либо Мод.

– Либо я, – сказала Сунна.

Мод нахмурилась.

– С чего бы это?

– Это вполне возможно, – сказала Сунна. – Почему бы и нет?

– Потому что вы сами сказали, что это не вам.

– Ничего подобного. Я просто не говорила, что это мне. Я сказала, что хочу посмотреть.

– Вы сказали, что ваши знакомые не пользуются почтой.

– Да, но потом я его прочитала. Там написано «по пути». Значит, человек сам бросил письмо в ящик, а это совсем другое дело. – Сунна отчаянно металась от одной надежды (что письмо от Бретт) к другой (что оно не от Бретт), не останавливаясь посередине. Бретт много путешествовала; вполне можно было предположить, что она узнала адрес Сунны от общих знакомых и решила зайти. Так хотелось повидаться... Стала бы Бретт просить прощения? Это самая большая натяжка.

– В любом случае, – сказала Сунна, вставая, – думаю, мы

никогда этого не узнаем. Очень жаль. – Было ли ей действительно жаль?

– Тогда, думаю, с этим покончено, – сказала Мод. С таким же успехом она могла выгнать их из квартиры метлой, при ее-то тактичности. Кошка запрыгнула к ней на колени, Мод взяла ее на руки и встала. Парочка единым фронтом уставилась на незваных гостей.

Маккензи нагнулась над столом, как будто была готова вцепиться в него и держаться, если кто-то попытается ее выгнать.

– Ну ладно, – сказала она. – Единственное, чего мы не знаем, – это дата, точное время и кто с кем встречается. Так что... давайте разберемся с этим. Пойдем все вместе.

– Что? – Сунна ничего не поняла. – Куда пойдем?

– В «Бумажный стаканчик». Начнем ходить завтра же. С двенадцати дня до закрытия, чтобы не пропустить. Каждый день, пока не объявится чей-нибудь человек.

Мод снова села, и стул под ней заскрипел. Она положила руки на спину кошке, но кошку это не успокоило.

– Чей-нибудь человек? Что это значит?

– У всех нас на уме по меньшей мере один человек, да? – Маккензи перевела взгляд с Мод на Сунну и обратно. Ни одна из них не возразила. – Не сомневаюсь. Кто-то очень важный. Верно?

Мод кивнула в знак согласия.

– А почему с двенадцати до закрытия? – Она подозритель-

но посмотрела на Маккензи, как будто та нашла в письме что-то такое, что скрывала от них. Маккензи пожала плечами, все еще улыбаясь; если она и злилась, то никак этого не показывала.

– Там было написано «днем». Меня это вполне устраивает – утром у меня занятия, вечером – работа, а днем я все равно пишу и занимаюсь. А это можно делать и в «Бумажном стаканчике».

– О-о, – сказала Мод. – Ну, тогда это подходит и мне – я на пенсии.

Сунна отодвинулась от стола. Она тоже могла бы ходить, будь у нее охота. Она, как ей всегда хотелось, отработывала в «Огненном фитнесе» утреннюю смену, так что ее рабочий день заканчивался до полудня (одно из преимуществ начальства в том, что оно само составляет себе рабочий график). Чем спать подольше, она предпочла освободить себе дни, и это для нее дорогого стоило. И она не собиралась тратить эти свободные дни на посиделки за кофе с мисс Мод Стервятник.

– Нет, спасибо.

– Но почему?

– Потому что это грандиозная трата времени.

– Ничего подобного! Это же... интересно. – Похоже, Маккензи видела в этом замечательное приключение. – И потом, если мы с Мод будем ходить, а письмо написано вам, как мы узнаем, что можно уже перестать ходить?

– Не знаю... Ну, извините! Я просто не могу. Не хочу. – В кухне, пропахшей отбеливателем и лимонами, теперь явно чувствовался запах табачного дыма и уксуса. От смеси никотина и чистящих средств Сунну начало подташнивать.

– Ну, а я пойду, – сказала Маккензи, тараща серьезные глаза. – Я представляю, кто мог бы написать мне это письмо, и не хочу пропустить этого человека, если он появятся.

Сунна попыталась подавить раздражение.

– Так позвони ему или напиши по электронной почте. Сейчас не 1997 год. Спроси, не оставлял ли он письмо в нашем почтовом ящике. А заодно напомни и ему, что сейчас не 1997 год.

При этих словах взгляд Маккензи застыл, но она продолжала улыбаться.

– Если бы я только могла...

Сунна поняла, что была бестактна, но не знала, как это исправить. В любом случае, она лицемерила: она-то точно не собиралась звонить Бретт и спрашивать, не ее ли это письмо. Она посмотрела на свои руки, потом – на Мод: та кивала так яростно, что Сунна представила, как ее голова скатывается с плеч и падает под стол.

– Я тоже пойду с тобой. Ты – умница. Я, конечно, не собираюсь звонить первой... – Мод осеклась и закашлялась. – В общем, я тоже иду.

Сунна призадумалась. Допустим, Бретт приехала в город

по работе, ну и что? Почему бы ей просто не позвонить, как делают нормальные люди? Или, еще лучше, не держаться подальше? И вообще, кого это волнует? Такова взрослая жизнь, и Сунна уже давно это усвоила. Иногда это проходит, чаще – нет. Если сидеть и тосковать, ожидая, когда станет легче, можно впасть в отчаяние. Многие ее знакомые в Торонто всегда были готовы обсуждать свои стародавние чувства. Им вечно хотелось заново пережить расставания, встретиться с друзьями, которые перестали быть друзьями, понять, можно ли что-нибудь спасти.

– Ну ладно, – сказала она. – Делайте, что хотите. А у меня своя жизнь.

Это была неправда, но произнося эти слова, она посмотрела на Мод и улыбнулась.

БЫВШИЙ ПАНК

Ларри

Телефонный звонок пробудил Ларри от дневного сна. Он заснул перед телевизором, смотря доморощенный «документальный фильм» о местной панк-группе 1990-х. Объективно видео было ужасным. Картинка зернистая, камера так трясется, что вызывает головную боль. Ленту снимали подружки участников группы, и было это за годы до того, как качественное записывающее оборудование стало доступно не только профессиональным киношникам. Но само несовершенство съемки напомнило Ларри доброе старое время. Всерьез ощущая собственное превосходство, они слушали

низкокачественные записи, ходили на выступления друзей в подвалах, устраивали мош и слэм, не дрогнув, делали себе самопальные пирсинги и наколки. Фильм напомнил Ларри молодость, когда он чувствовал себя – нет, не крутым, а гораздо лучше. Он был лучше всех крутых парней – рассерженный прямолинейный панк, непонятый отщепенец, один из небольшой сплоченной группы непонятых отщепенцев. Они толкались в такт своим нестройным панковским песням на четыре аккорда, тыкали друг друга в лица башмаками и вообще танцевали так, словно пытались выбить друг из друга соплю. Они понимали все. Это было великолепно.

Прошло столько лет, что сами причины, по которым он заделался панком, – тоска, депрессия, чувство отверженности – стали казаться романтическими и возвышенными: теперь ему этого как будто не хватало. Он тосковал по острым, всепоглощающим чувствам, которые настоятельно толкали к немедленному действию. Он тосковал по боли, которая что-то доказывала – в отличие от нынешней тупой боли в пояснице, вызванной тем, что на работе в художественной галерее он вечно на ногах. И из-за этого ему в сорок три года приходится носить ортопедическую обувь. Теперь отрицательные эмоции просто скапливались у него в животе и отнимали силы. Теперь все, что у него было, – это видеокассеты и старые футболки группы.

– Алло? – промямлил он в трубку.

– Алло... э-э... Л-Ларри?

Ларри подскочил и сел.

– Да, – сказал он, и его голос надломился, хотя нужно было произнести только один слог. Он выдавил еще один, но получилось немногим лучше: – Эй.

Сунна. Он знал это с самого начала. Он и не думал, что она позвонит так скоро. Он вообще не думал, что она позвонит. Это было лучшее, что случилось с ним за долгое время.

Она молчала, а он тем временем обдумывал все возможные направления, которые мог принять разговор. Сначала это было восхитительно, а потом мучительно. Ларри устался на стену, увешанную афишами с автографами, как будто написанные от руки названия групп могли подсказать ему, что Сунна скажет дальше. Время замедлилось; он как будто целую вечность ждал ее следующих слов.

– М-м... привет. Это Сунна. Я... мне так неловко...

Ему снится сон. Должно быть, он спит.

– Я захлопнула дверь и забыла ключи... Вы бы не могли приехать и...

Вот и хорошо. Она, конечно, не флиртует, но хоть что-то сказала прямо, и это замечательно. Почти чудо.

Она замолчала, даже не окончив вопроса, и это на миг озадачило Ларри, но он тут же понял, что выкрикнул «Конечно!», не дав ей договорить. Теперь собственный голос отдавался у него в ушах, и Ларри беспокоился, что его рвение может оттолкнуть ее.

Пиратская пицца и грозный флибустьер Хэйрс

Маккензи

«Пиратская пицца», как и следовало из названия, была «тематической» пиццерией, оформленной на пиратский лад. Владел ею Рэндалл Хэйрс, немолодой шотландец, который захотел стать пиратом, только когда вырос. Очень немногие имели в жизни лишь одну мечту, и совсем мало тех, у кого эта мечта сбылась, но Рэндалл Хэйрс жил в своей мечте: он был пиратом – или, по крайней мере, каждый день мог одеваться и говорить, как пират. Собственно, подходить ближе к

своей мечте он и не собирался. Судя по качеству еды в «Пиратской пище», он открыл заведение ради антуража и возможности ежедневно и прилюдно носить повязку на глазу, а вовсе не из любви к кулинарному искусству. Пил он тоже как пират, с утра и до самого закрытия – это для него было еще одним плюсом владения «Пиратской пиццей». Он разгуливал по своему ресторану, как Джонни Депп, распевая «Йо-хо-хо и бутылка рома». Клиенты не могли определить, было ли это притворством. Может быть, Рэндалл вообще больше ничего не умел. Словом, это было из тех зрелищ, которые кажутся забавными только в первый раз, а потом, особенно если подумать, попросту удручают.

Ресторан находился на втором этаже дома 1305 по Гамильтон-стрит и делил помещение с кафе «Вспышка» – собственно, это было никакое не кафе, а магазин аляповатых сувениров. Первый этаж был занят обувным магазином «Обувь Регги», и трудно сказать, какой запах преобладал в здании: потных ног, пиццы или духов, которыми обильно поливалась хозяйка «Вспышки». Все это смешалось в солоновато-приторно-цветочный коктейль, приправленный соусом для пиццы.

Маккензи начала работать в «Пиратской пище» через два дня после приезда в Реджайну. Ее родители не хотели, чтобы она уезжала в город. Они, похоже, сочли, что, если ей придется сражаться с финансовыми трудностями, она быстро вернется домой. Первым человеком, с которым она по-

знакомилась в университете, был Грант, и тогда это показалось ей подарком судьбы. Грант был умным, дружелюбным и готовым помочь: в первый день он проводил ее в аудиторию, а когда она намекнула, что ищет работу, сказал ей, что в «Пиратской пище», где он работал уже три месяца, есть вакансии.

Тогда она еще не знала, что в «Пиратской пище» сотрудники требуются всегда и срочно, и поначалу ее это удивило. Собеседование при приеме на работу было драматичным, истеричным и смешным. Оно больше походило на театральную сценку, чем на собеседование в учреждении общественного питания. Ей выдали униформу, атрибутами которой были чучело попугая на плече и сабля из папье-маше. Вначале Маккензи сочла Рэндалла просто уморительным; она с энтузиазмом улыбалась клиентам и говорила: «Пиастры, кэп, пиастры!», как требовали торопливо выданные ей инструкции. Но всего месяц спустя, наблюдая, как Рэндалл Хэйрс раскачивается и мечется по кухне, как будто он на палубе корабля, а не в служебном помещении, где кипит работа, Маккензи переставала рычать по-пиратски всякий раз, когда думала, что Рэндалл ее не видит (ему было наплевать на нарушение санитарных правил, но он терпеть не мог, когда сотрудники выходили из образа).

В день, когда пришло письмо, Маккензи решила сказать-ся больной. Все мелкие нелепости «Пиратской пиццы» – декор, униформа, жаргон – и в обычные-то дни раздражали. А

сегодня она едва ли сможет их вынести.

После того как они прочитали письмо, она вернулась в свой подвал. Дверь на лестницу Маккензи заперла на засов, как всегда, подергав ручку, чтобы убедиться, что она закрыта надежно. Под ручку двери в квартиру она подсунула стул. Потом обошла по периметру все свои владения, проверяя окна, шкафы, углы, заглядывая под кровать, под стол и за диван.

Удостоверившись, что она в безопасности, Маккензи сварила кофе и уселась за стол. Мод настояла на том, чтобы оставить письмо у себя, чем привела в ярость Сунну (Маккензи пока не поняла, была ли Сунна злобной по характеру или просто злилась на Мод). Тогда Маккензи было все равно, у кого останется письмо, но теперь, вернувшись в покой своего личного пространства, она пожалела, что оно не у нее. Она думала, что несколько оборванных строк останутся у нее в памяти, но они уже расплывались и распадались, как фрагменты сна. Ей хотелось перечитать его – вдруг там окажется что-то знакомое, что подскажет ей, кто его написал. В том, что письмо предназначалось ей, она не сомневалась, но вот кто его написал, вызывало все больше вопросов.

Мысленно она видела два лица, двух людей, которые могли бы написать такое письмо. Но, пытаясь представить, как кто-то из них произносит эти слова, она слышала только голос Сунны – высокий, резкий и раздраженный.

– «...Прощения, что не увиделись», – прошептала Мак-

кензи. – Нет, не так... «прощения – так хотелось повидаться». Она попыталась услышать голос сестры, а потом Джареда. Но слышала теперь только себя. Если бы письмо было у Маккензи, она бы лучше поняла, что имелось в виду. Действительно ли отправитель просит прощения или просто извиняется, что не застал ее и не стал ждать?

Она побрела в гостиную, сжимая кружку обеими руками. Над головой раздался какой-то звук, – наверное, Сунна, а может быть, просто дерево трещит от холода, но Маккензи подпрыгнула так, что горячий кофе выплеснулся на руки. Сам звук она едва заметила, как будто ее нервные окончания были отключены, а тело тратило всю свою энергию на страх. Маккензи поставила чашку на кофейный столик и вытерла руки о футболку. Она спрашивала себя, перестанет ли когда-нибудь бояться.

В окна забарабанил дождь, раздался негромкий, но мощный раскат грома, как будто где-то далеко столкнулись автомобили. Свет мигнул, и потолок над Маккензи снова затрещал. Это помогло ей принять решение. Если отключится электричество, пусть она лучше будет на работе. Раздражение лучше страха, а ей и при включенном свете было достаточно страшно.

Она переделалась в униформу и сделала себе бутерброд; Маккензи вдруг захотелось поскорее покинуть беспокойный старый дом. Доедая последний кусок, она услышала вверху на лестничной площадке шаркающий звук и замерла, пе-

рестав жевать. В дверь постучали, и Маккензи сглотнула; скользнувший ей в глотку хлеб показался пересохшим, как кусок дерева.

– Кто там? – прохрипела она.

– Это я. Сунна.

– Входите, – сказала Маккензи, чувствуя облегчение и смущение. Кто это еще мог быть? Почему ее тело до сих пор реагирует на все, как на чрезвычайную ситуацию? Она встала, стряхнула крошки с рюшей пиратской рубахи и скорчила рожу, представив, что Сунна войдет и застанет ее в этом наряде.

– Не могу. Заперто.

– Верно. – Маккензи отодвинула стул, открыла одну дверь, подбежала к другой, запертой на верхней площадке лестницы, отодвинула засов и стала возиться с замком. Унизительно, когда кто-то ждет и наблюдает все это, как будто она выставляет напоказ свою паранойю. Наконец она открыла и эту дверь, Сунна оглядела ее со смешанным выражением недовольства и веселья.

– Что ты там делала? Двигала мебель?

– Нет. – Маккензи покраснела.

– Ты... переодевалась в пирата?

– Ага. – Она переступила с ноги на ногу, и ее огромные черные сапоги закрипели. Рэндаллу не хватало средств, чтобы заказывать для новых сотрудников новые костюмы; свой она унаследовала от парня на несколько размеров круп-

нее.

– Раньше ты не ходила в пиратском костюме.

– Нет, конечно.

Сунна наморщила лоб.

– Слушай, я вышла проверить почту и случайно захлопнула дверь в квартиру. Хозяин уже едет, но можно я подожду у тебя? Он может ехать целую вечность, а прихожая не отапливается, и здесь жутко холодно. В этом городе вообще холодище. В это время года здесь холоднее, чем в Торонто зимой. – В голосе Сунны звучали обвиняющие нотки, как будто погодой в городе заведовала Маккензи.

– И вы все время стояли здесь? – Маккензи забыла о своем смущении из-за стула и пиратского костюма. – Ох, извините, я же не знала. Нужно было зайти раньше.

– Нужно было. А то я, похоже, пропустила пиратскую вечеринку.

Маккензи всегда боялась показаться невежливой. Она сдалась.

– Это для работы, – сказала она.

– Ты работаешь... на пиратском судне?

– В «Пиратской пицце».

– А, знаю, видела вывеску. На Гамильтон-стрит, верно?

– Ага.

– Ну, а я работаю совсем рядом, в «Огненном фитнесе».

Я инструктор.

Маккензи отступила назад и сделала приглашающий знак.

– Извините, заходите, пожалуйста. Хотите кофе?

– Хочу. Спасибо. – Стоя на нижней ступеньке, Сунна оглаживала кухню Маккензи. – А у тебя здесь мило. Светло для подвального помещения.

– Мне очень нравится. Гораздо лучше, чем дома у родителей. Вот, пожалуйста. – Маккензи поставила перед Сунной наполовину наполненную кружку. – Извините, все, что осталось в кофейнике. А больше я сварить не могу, придется бежать в магазин за зернами.

– Спасибо, все замечательно. – К дому подкатил автомобиль, колеса прохлюпали по луже. В плите что-то щелкнуло и загудело. Конечно, Мод – вредная тетка, но уж неловкого молчания она бы не допустила. Сунна отхлебнула кофе, рассеянно глядя на два причудливых мака, нарисованных чернилами прямо над сгибом руки Маккензи. – Мне нравится твоя татушка.

– Спасибо. – Маккензи забеспокоилась – вдруг Сунна попросит объяснить, что означают эти цветы. Она бессознательно потрогала их.

– Хотела бы я знать, – сказала Сунна, – кто это?

– В смысле? – осторожно спросила Маккензи.

– Ты сказала, что знаешь, кто мог написать письмо. И, похоже, тебе не безразлично.

– Ну, не знаю. Кто угодно мог. – Маккензи, как будто защищая, прикрыла цветы ладонью. Сунна задала именно тот вопрос, которого ждала Маккензи, только сформулировала

его по-другому.

– Твой бывший? – не отставала Сунна, не обращая внимания на смущение Маккензи.

– Возможно. – Она представила себе, как Джаред пишет письмо. Подъезжает к дому на своем старом синем пикапе с бабушкиным ожерельем, свисающим с зеркала заднего вида. Подходит к дому и опускает конверт в почтовый ящик, думая о Маккензи, но пока еще не решаясь встретиться с ней лицом к лицу.

«Жду прощения – так хотелось повидаться...»

А может быть, он приехал как раз, чтобы встретиться, но она оказалась в университете, а он присел на крыльцо и нацарапал записку.

«Прошу прощения, так хотелось повидаться...»

– А может, подружки. Или кто-нибудь еще. – Маккензи засмеялась, как будто и не задумывалась об этом. – Думаю, у каждого есть целый список людей, которые могли бы написать такое письмо, да? Тех, от кого ждешь, что они явятся и все объяснят. И другой список – тех, перед которыми мы сами должны извиниться. – Она слабо улыбнулась и сделала вид, что пьет из своей пустой кружки.

Сунна слегка приподняла брови, но остальные черты лица остались совершенно неподвижными. Интересно, подумала Маккензи, она делает себе ботокс? Как правильно – делает ботокс? Использует ботокс? Или «ей сделали ботокс»? В свои девятнадцать Маккензи была слишком молода, чтобы

разбираться в жаргоне стареющих бедолаг.

– Но ты же надеешься, что это кто-то один? Во всяком случае, раньше ты так сказала.

Маккензи поморщилась.

– Послушай, Сунна, я уже опаздываю на работу. Защелкни, пожалуйста, дверь, когда приедет Ларри. – Она встала и нависла над Сунной. В этой рубашке с рюшами, с треуголкой – да-да, треуголкой! – на голове, Маккензи вовсе не была настроена на разговор по душам. Она сгорбилась, будто пытаясь уменьшиться в размерах. – Но, знаешь, я с радостью продолжу разговор, если ты завтра придешь в «Бумажный стаканчик». – *«По крайней мере, я буду лучше к нему готова».*

Сунна фыркнула.

– Да-а... Ну, не знаю. Не могу сказать, что мне это так интересно.

– Кто написал письмо? Неинтересно?

– Ничуть. Вот неинтересно, и все тут. – Сунна заерзала на стуле и принялась тереть что-то на блузке. Сверху раздался громкий стук, и обе посмотрели на потолок. Сунна закатила глаза и пробормотала что-то о Мод.

– Ну, если придешь за компанию, я буду там по-любому. Посидишь со мной, просто выпьем кофе.

– О-о, – протянула Сунна. Вид у нее был удивленный, а потом стал виноватым, как будто до нее только сейчас дошло, что она ведет себя невежливо. – Да, неплохо было бы

сходить с кем-нибудь выпить кофе. Я еще никого здесь толком не знаю и даже не могу вспомнить, когда в последний раз пила с кем-нибудь кофе. Да и дома почти у всех подруг были дети, и они только об этом и могли говорить. Воспитание. Подгузники. Няньки...

– У меня детей нет, – сказала Маккензи, взяла с полки попугая на липучке и запихнула его в сумочку. – Только этот дурацкий попугай, дурацкая рубашка и дурацкие сапоги. А о них я говорить не собираюсь.

– Ладно. – Сунна снова заерзала на стуле. – Ну, то есть Мод-то наверняка придет. Вот. А я, наверное, нет.

– Все ясно. Но, если все же надумаешь, я там буду. Посидим вместе. И обещаю, на мне не будет этих шмоток.

– Хорошо, – сказала Сунна. Она снова выглядела смущенной, и Маккензи стало ее жаль. Как будто Сунна ничего не могла с собой поделаться. – Да, если бы и были, ничего страшного. Ты смотришься... смотришься стильно. – Она сделала большой глоток кофе и усмехнулась. – Для пирата.

– Ну, спасибо, – улыбнулась Маккензи.

Когда Маккензи открыла верхнюю дверь, на площадке уже стоял Ларри, подняв руку, как будто собирался постучать. При виде Маккензи волнение на его лице сменилось разочарованием. Но она все равно улыбнулась ему, достаточ-

но быстро сообразив, что к чему. Подобные возбужденные взгляды обычно предназначались не ей, зато Сунна наверняка на них насмотрелась.

– Привет, Ларри.

– Привет, – сказал он, пытаясь незаметно заглянуть ей за плечо.

– Как дела? – спросила Маккензи: он так и не посторонился, чтобы дать ей пройти. Она не умела просить людей пропустить ее, а он, похоже, не умел улавливать намеки, так что они могли застрять здесь надолго.

– Отлично, – сказал Ларри. – Да. Хорошо. Его голова на длинной жирафьей шее качнулась вперед.

– Хорошо, – сказала Маккензи.

Ларри прокашлялся.

– Собрались куда-то? На маскарад?

– Нет, на работу.

– Ах, ну да. Конечно.

Он, казалось, смутился от того, что упомянул маскарад, а Маккензи слишком устала, чтобы объяснять.

Ларри посмотрел на ее большие черные сапоги. Потом сдвинулся с места, и она, решив, что он наконец ее пропустит, сделала шаг вперед. Но она ошиблась – теперь они просто оказались ближе друг к другу.

– Когда-то «Доски» одевались пиратами, – сказал он, как будто сам себе.

Маккензи постаралась скрыть смущение. Она кивнула,

надеясь, что он подумает, будто она его поняла, и пропустит ее. Как бы не так.

Он усмехнулся, как будто она попросила его объяснить, о чем речь.

– Местная группа. Называлась «Доски». Они все носили пиратские сапоги, совсем как у вас. – Он осекся, как будто сообразил, что ляпнул глупость. – Ну, не скажу, что ваши уж совсем пиратские, – начал он.

– Именно такие, – сказала она.

– Круто. – Он кивнул. Все кивает, кивает и кивает. – Да, «Доски». Я ходил на все их концерты. Где они, там и я.

Маккензи опаздывала. Она с тоской заглядывала ему за плечо.

– Да? А что за музыка?

– Панк-рок, – ответил он. Он тоже заглядывал ей за плечо. Вид у него был крайне огорченный. – Тогда у нас была отличная сцена. Нас было не так много, и, – он снова прокашлялся, – никто из знаменитостей сюда никогда не приезжал, но местные парни были что надо. Играли в основном в подвалах и гаражах, а еще в метро. Это было лучше всего. Тут когда-то был немецкий ресторан, назывался «Шницель-хаус», его владельцам даже не нравилась панк-музыка, а сами ребята нравились, поэтому они пускали панков играть у себя...

Он говорил быстро, а лицо у него стало мечтательным, как будто он рассказывал ей о другой стране, о месте, где он ко-

гда-то жил, но куда так и не смог вернуться. С потерянным видом он пригладил волосы, и Маккензи стало его жаль.

Он замолчал, и это было даже более неловко, чем его исполненные ностальгии речи. Ища, за что уцепиться, она заговорила первой:

– Вы часто ходите на концерты в «Обмене»⁴? – В начале недели Грант задал ей тот же самый вопрос, и она быстро сменила тему, чтобы не признаваться, что с наступлением темноты она вообще никуда, кроме работы, не ходит, а концерты видела исключительно на YouTube.

– О! – Глаза Ларри загорелись. – Вообще-то... нет. Я не был на концертах... много лет... То есть... но, может быть, мне стоит?..

Как будто он спрашивал у нее разрешения. Как будто она сейчас скажет, что он не сможет пойти на шоу, даже если захочет.

– Конечно, стоит, Ларри. На сайте все есть, цены на билеты, расписание концертов и все такое... Так что... – Они глубоко вздохнули в унисон. Она улыбнулась. – Но вы же приехали, чтобы впустить Сунну?

– Ох! Да, – сказал он, внезапно снова занервничав. – А она... она?..

– Да, – сказала Маккензи. – Она внизу, в моей квартире. Можете просто отпереть ее дверь, а я скажу ей, что она от-

⁴ «Обмен», или «Культурный обмен» (Exchange, Cultural Exchange) – культурный центр с концертной площадкой в Реджайне, Саскачеван.

крыта.

Лицо Ларри вытянулось.

– О-о, – сказал он. – Не хочу вас задерживать! Я могу... я могу спуститься и... – Он замолчал, ясно осознав, что предлагает войти в квартиру Маккензи в ее отсутствие и что это звучит довольно странно. – Нет, – продолжал он почти про себя. – И правда так лучше. Если вы уходите... Я просто открою ее дверь и уеду... – Он указал на свой фургон. С таким же успехом он мог явиться в смокинге, с цветами и каким-нибудь романтическим заявлением, написанным в небе дымом из маленького самолета.

Наконец им удалось сдвинуться с места синхронно: каждый сделал шаг вправо. Он отпер дверь Сунны, и Маккензи решила немного подождать, прежде чем позвонить вниз, чтобы Сунна поднялась – это было похоже на небольшую услугу, о которой Сунна никогда не узнает. Ларри казался достаточно безобидным, но все же...

Маккензи смотрела, как Ларри идет по тротуару, при каждом шаге тяжелая цепочка от кошелька хлопала его по ляжке, и тут кое-что пришло ей в голову. Сердце у нее екнуло.

– Постойте, Ларри, я хочу спросить...

Он обернулся.

– Сегодня днем в почтовом ящике оказалось письмо; оно было порядком испорчено, и мы не знаем, от кого оно, но до меня только сейчас дошло, что оно, вероятно, для вас – оно у Мод.

Ларри покачал головой.

– Вряд ли это мне. У меня, – он смущенно опустил глаза, – не так много друзей. А те, что есть, не стали бы искать меня здесь, тем более по почте. Я никогда здесь не жил. Может быть, это письмо моей тетке? Но она умерла, так что не беспокойтесь. Или оно показалось важным?

Маккензи покачала головой.

– Нет, просто кто-то извиняется, что с кем-то не встретился. – Она чувствовала себя опустошенной. Чем больше возможных получателей было у письма, тем меньше вероятности, что оно предназначалось ей – а это и так было маловероятно.

Вполне логично, что письмо скорее адресовано умершей тетке Ларри, чем кому-то из нынешних обитателей дома. Но, если и вправду на что-то надеешься и если эта надежда занимает столько места в твоей грудной клетке, что трудно есть или дышать, нужно включать логику, чтобы освободить для нее еще немного места. Это вопрос выживания.

Ларри, лучший в мире домовладелец

Ларри

Пойти на панк-шоу – совсем не то, что пойти в банк, или в продуктовый магазин, или... да куда бы то ни было. Пойти на панк-шоу означало, что тебя увидят и назовут потом либо панком, либо позером; от этого будет зависеть твоя самооценка, но вести себя нужно так, как будто тебе все равно, просто до лампочки. И одеться, как будто тебе до лампочки... но тут требуется умение. Ларри разложил на кровати всю свою одежду, как подросток, готовящийся к первому

школьному дню в старшем классе. Он боялся, что с первого взгляда будет видно, сколько труда он вложил в свою наружность. Нужно было приложить достаточно усилий, чтобы казалось, будто это дается ему легко.

Он включил CD-проигрыватель, и комнату наполнил вибрирующий баритон Джелло Биафры, так что Ларри почти перестал слышать собственные мысли. *«Вот для чего была изобретена эта музыка».*

Музыка для Ларри была единственной кнопкой отключения мыслей. Это было похоже на пузырь в океане, убежище, внутрь которого не проникало то, что заполняло весь мир снаружи. Только ноты, аккорды и ударные. Когда он слушал панк-музыку, его разум, никогда не перестававший работать, отключался. Вот почему Ларри не мог жить в этом доме – в тишине разум загнал бы его в могилу. Какая дата была указана в завещании? 1952? Самой ранней панк-группой, о которой знал Ларри, была «Los Saicos», а они появились только в 60-х.

По совету Маккензи он зашел на сайт «Обмена» и увидел, что ближайший концерт сегодня вечером. Сегодня вечером. Хедлайнером была местная группа под названием «Джетляги». Фотографии на сайте не было, а когда он попытался нагуглить их на телефоне, Гугл предложил ему выполнить поиск по запросу «джетлаг», после чего выдал 76 800 000 результатов поиска, хотя Ларри ничего такого не запрашивал. И все-таки. «Джетляги». Звучит вполне по-панковски. Афи-

ша концерта на сайте выглядела неряшливой и дешевой, как будто кто-то дал девятикласснику маркер и две минуты; это было многообещающе. Именно так должны выглядеть афиши панк-группы. Ларри не мог дождаться, когда снова окажется плечом к плечу с единомышленниками, в помещении, слишком шумном для разговоров.

Но тут его пузырь взорвала нехорошая мысль: а что, если это новый панк-рок? Когда-то давно – кажется, в 2006 году – Ларри зашел в CD-плюс и попросил парнишку за прилавком показать ему что-нибудь новенькое из панк-рока. Парнишка выдал ему целую стопку кошмарнейших дисков и сказал, что они отличные. Плаксивые детки, называющие себя панками только потому, что играют быстро. Кого они могут обмануть? Вдруг сегодня вечером он влипнет именно в это?

Может быть и хуже: там окажутся его старые приятели и сочтут, что он позер. Ни одна из его одежек не подходила по размеру. Он был в замешательстве. Что хуже: оказаться в зале единственным панком или единственным позером?

Теперь он тонул в океане, и даже Джелло Биафра не мог его спасти.

Ларри не слышал, как зазвонил телефон, но посмотрел на него как раз в тот миг, когда загорелся экран. Звонок с неизвестного номера. Ларри попытался приглушить музыку.

– Алло?

– Привет, Ларри. – Ларри выпрямился и огляделся, хотя голос доносился из мобильного телефона; кровь застыла в

жилах.

– Тетя Ребекка? – Ларри сглотнул слюну. – Это... ты? – Тетя Ребекка покоилась в гробу уже шесть месяцев. Или семь. Или... когда же это было? В каком месяце? Он никогда не слышал, чтобы мертвые вступали в контакт таким способом, но, с другой стороны, все настоящие истории о привидениях случились, когда смартфонов еще не было. Может быть, смартфоны умеют и это? Он ущипнул тыльную сторону своей ладони, чтобы проверить, не сон ли это.

– Нет, это Мод, – сказал голос.

«*Тьфу ты. Мод*». Он засмеялся.

– А что смешного? – Похоже, Мод не одобряла смешное.

– Ничего, – ответил Ларри.

Мод кашлянула.

– Ларри, нужно, чтобы вы приехали и привели в порядок почтовый ящик. Как можно скорее, пожалуйста.

– Ну, хорошо...

– Сегодня вечером сможете? – Она не стала дожидаться ответа. – Нужно успеть, пока снова не пошел дождь. А то в него попадает вода, а еще собаки или, может быть, мыши, и от этого портятся купоны. Я потратила значительную сумму денег, покупая по полной цене товары, на которые у меня по меньшей мере десятипроцентная скидка. А еще мне нужно, чтобы вы посмотрели... не знаю, батарея или что-то еще в моей квартире. Оно шумит. И можно ли сделать так, чтобы двери других жильцов меньше *скрипели*? Соседки входят и

выходят посреди ночи и будят меня. – Она начала кашлять прямо в трубку, и Ларри отвел телефон подальше от уха. – Кроме того, Ларри, – заговорила она раньше, чем прошел приступ кашля, – с чердака доносится... э-э-э... извините... странный звук. Как будто что-то скребется; вам следует посмотреть, когда приедете.

Кажется, Мод наконец выговорила. Ларри посмотрел на настенный календарь: август. Прошлого года. Кого он хочет обмануть этим календарем, как будто ему нужно планировать расписание по датам? У него нет никакого расписания. Помимо ночных смен в художественной галерее на этот месяц у него намечено только одно дело. К счастью, оно выпало на один из его свободных вечеров.

«На сегодня».

– Понятно, – сказал Ларри. – Но я не могу прийти сегодня вечером; я... собираюсь на концерт. Панк-шоу. – Звучало здорово. Как будто много лет он был в коме, а сегодня вечером впервые за долгое время откроет глаза и пойдет прогуляться. Но с каждой минутой ему становилось все страшнее. Часы на стене громко тикали, и казалось, что они кричат ему, как взбудораженная мош-яма, полная прыщавых шестнадцатилетних подростков:

«По-зер, по-зер, по-зер!»

Есть ли на свете что-нибудь более жалкое, чем взрослый мужчина, боящийся, что подростки плохо о нем подумают?

Мод прервала его безумные мысли. Она не знала, что та-

кое панк-шоу, и попросила объяснить.

– Это направление в музыке, – сказал он, все еще лихорадочно соображая. – Похожее на рок, но более динамичное. И более политизированное. Оно включает в себя множество поджанров – некоторые поспокойнее, есть панк-рок, кантри-панк...

– Ларри, а вы не можете пойти... в другой раз? Это очень важно.

– Хорошо, – сказал он, удивляясь сам себе. Но что еще он мог сказать? Он вовсе не боится идти на панк-шоу, просто он понадобился пожилой даме. Он проявляет доброту. Он не отброс, не лох и не трус – он просто добрый. Он лучший в мире домовладелец.

– Спасибо, – сказала Мод без особой благодарности в голосе. – И еще...

Ларри ждал продолжения.

– И еще что?

– Ничего, это все, – ответила Мод. – Спасибо.

Поэтому в тот вечер, вместо того чтобы пойти на панк-шоу, Ларри отправился в дом на Монреаль-стрит и заменил единственный почтовый ящик. Он прибил еще два – для 2139В и для 2139С; он принес для них наклейки и с помощью линейки убедился, что прилепил их ровно. На его стук никто не ответил, и он вошел в маленькую прихожую. Стены старого дома все еще хранили запах тети Ребекки, и когда Ларри вошел, этот запах как будто обнял его, как обнимала

его сама тетя. Ларри любил тетю Ребекку, но ему не нравилось, как она пахла. Он слегка поперхнулся. Стараясь двигаться быстрее, он открыл все двери, но они не показались ему такими уж скрипучими. Что там у них еще? Гудящая батарея? Скрипы на чердаке? Он взглянул на лестницу, ведущую в часть дома, где жила Мод, – на чердак, – и содрогнулся. Если бы Мод позвонила еще раз, Ларри сказал бы ей, что батареи, как и старые дома, – штука шумная, и с этим ничего не поделать. Старые дома полны скрипучих дверных петель и грохочущих батарей. Она привыкнет к этому. Он снова запер все двери, вышел и остановился на тротуаре, чтобы полюбоваться старым домом. Ну и пусть он больше не панк, не входит в круги элиты и не посещает крутые тусовки. Зато он лучший в мире домовладелец. Ларри улыбнулся, наслаждаясь редким моментом, когда он был собой доволен.

Он двинулся к машине – всего несколько шагов. По другой стороне улицы мелкими неверными шагами шел старик в черной спортивной куртке – видно, собирался неторопливо прогуляться по окрестностям. Ларри улыбнулся и вежливо кивнул прохожему, но тот не обратил на него никакого внимания.

Ларри обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на дом и, может быть, в надежде увидеть выходящую из него Сунну. Взгляд почти непроизвольно устремился к чердачному окну, как будто его привлекло внезапное движение. Но было слишком темно, и Ларри так ничего и не разглядел. Даже

если там что-то было.

А оно было, это Ларри знал точно.

Веселенькое утро Бренды

Сунна

Реджайна – странное место. Люди называют ее городом, и формально так оно и есть, но она похожа на город так же, как восемнадцатилетний подросток – на взрослого: отдаленно и неубедительно. Горизонт напоминает рот шестилетнего ребенка, у которого вот-вот выпадут молочные зубы, – всего несколько разбросанных невысоких башен. Движение редкое, в центре города тихо. Хотя это не так плохо. Сунна была приятно удивлена как размерами, так и расположением квартиры, которую она смогла себе снять. Всего в нескольких кварталах от библиотеки. Спальня оказалась

больше, чем вся ее квартира в Торонто, а путь на работу занимал десять минут пешком.

Короткая дорога выводила ее из тихого района с высокими деревьями и разноцветными домами на Брод – оживленную улицу, вдоль которой выстроились офисы, парикмахерские и кофейни.

1 октября, в день угрозы взрыва, у Сунны до восьми утра не было клиентов по записи, поэтому она не торопилась, радуясь редким прохожим, которые ей встречались. Она жаждала общения, и ей было приятно даже помахать рукой в знак благодарности водителю, пропустившему ее на переходе.

Проходя мимо банка крови, она в первый раз услышала вой сирен, и хор сигналов тревоги, доносившийся как раз с той стороны, куда она направлялась, становился все громче. Она ждала, что мимо проедет вереница машин «скорой помощи», но они оставались на месте. Она ускорила шаг.

В нескольких кварталах от ее фитнес-центра Сунну встретили заградительные ленты и полицейские машины; подойти ближе она не могла. Она двинулась вдоль заграждений, но вскоре поняла, что оцеплен весь центр города. По периметру выстроились толпы людей – все громко галдели и пытались что-нибудь разглядеть. Дыма не было, но мигающие огни отражались от каждой стеклянной поверхности. Что там могло случиться?

Выбравшись из хаоса, Сунна свернула на тихую улицу и

достала телефон. Она попыталась позвонить в спортзал, но никто не отвечал, и она стала листать список контактов, ища кого-нибудь не из прошлой жизни в Торонто. Ли. Айрин. Лоуренс. Эйб. Николь. Нет, нет, нет, нет, нет. Красота. Что может быть веселее, чем листать список людей, которые забыли тебя, едва ты уехала из города. Осталось только одно подходящее имя, и оно вовсе не вызывало энтузиазма: Бренда. Бренда работала администратором в «Огненном фитнесе». Это была шумная, развязная особа с гладкими светлыми волосами и взбитой челкой – писк моды-1992, – которая делала ее похожей на собачку йоркипу. В других людях Бренду интересовало одно – нравится она им или нет, хотя временами казалось, что она делает все, чтобы нравиться как можно меньше. Она разговаривала и смеялась слишком громко, изрыгая теплый аромат мятной жевательной резинки и неприятный запах изо рта, настолько резкий, что он казался почти видимым, как смог. Сунна и не думала, что когда-нибудь позвонит Бренде, но вот пришлось.

– Алло?

По шуму на заднем плане Сунна поняла, что Бренда находится в центре толпы.

– Привет, Бренда...

– Привет! Сунна! Это ты!

– Бренда, что происходит?

– Минуту, Сунна! Я отойду! Здесь такой шум! – Гомон толпы стих, но Бренда все еще кричала в трубку, ее голос был

искажен, как музыка из взорвавшегося динамика. – Сунна! Боже мой! Что случилось?

– Это я спрашиваю, что случилось. Ты где?

– О боже! Все! Так много всего случилось! Приехал спецназ! И саперы! И пожарные! Ты где, дорогая?

– Я... я не знаю. – Сунна огляделась в поисках таблички с названием улицы. – Угол Тринадцатой и Розовой. Зачем спецназ? Что происходит, Бренда?

– Угроза взрыва! Бомба! – проорала Бренда; в трубке трещало и квакало. Она выкрикнула что-то еще, вроде: «Поверишь ли!»

– Ничего не понимаю, когда ты так кричишь, Бренда.

– Извини! – Бренда продолжала вопить, медленнее и еще громче. – Угроза взрыва! Была угроза взрыва! Теперь ты меня слышишь? Я сказала...

– Да, я слышу, Бренда; но когда ты так кричишь, то ничего не...

– Я живу здесь уже тридцать лет, – не унималась Бренда, – а такое в первый раз!

– В каком здании? Кто-нибудь есть внутри?

– Ну, я не знаю, – сказала Бренда, как будто эта мысль раньше не приходила ей в голову. – Очень надеюсь, что нет. Ух, ёки-моки! – Бренда любила выдуманное ругательство и недоделанные бессмысленные словечки и использовала их в ситуациях, для которых и так было полно подходящих слов и выражений.

«Или вообще не было слов», – подумала Сунна. Она уже жалела, что любопытство заставило ее позвонить этой женщине. Никакие пожарные машины того не стоили.

Бренда притихла и, похоже, наконец испугалась, как будто прежде мысль о бомбе казалась ей настолько абстрактной и киношной, что не вызывала у нее настоящих эмоций.

– Господи! – воскликнула она. – Господи! Я выхожу и иду к тебе, Сунна!

Сунна застонала.

– Нет, Бренда, ты останешься там, где ты есть. Я сама приду.

Она повесила трубку, прежде чем Бренда успела уличить ее в обмане, и сбежала с угла Тринадцатой и Розовой.

– Что там происходит? – спросил кто-то. Это был худой старик с мутными глазами. Он небрежно прислонился к кирпичной стене старого многоквартирного дома, и Сунна не замечала его, пока он не заговорил.

– Понятия не имею. То есть, – она махнула рукой в знак того, что неправильно выразилась, – то есть я слышала, что была угроза взрыва. Но больше я ничего не знаю.

Мужчина улыбнулся.

– В каком здании?

– Не знаю.

– Держу пари, в художественной галерее. – Он зевнул и потянулся, как будто угрозы взрыва нагоняли на него скуку. – Это в мертвой точке города, а заправляет там кучка... –

Он умолк. – Понятно, почему им пришлось эвакуировать все здания. Надо сказать, это самое увлекательное событие в городе за много лет. У нас тут мало что происходит. – Он остановился, чтобы перевести дыхание. – Но вы... вы ведь не местная, а?

Сунна поймала себя на том, что пытается от него отшатнуться. Поначалу он выглядел безобидным. Теперь ей казалось, что он наслаждается ее смущением.

– Местная, – солгала она.

Но он знал, что она солгала. Это было видно по выражению его лица.

– Сунна!

Бренда. Чуть не свалилась прямо на нее. Бренда остановилась, пригладила волосы, поправила куртку, подтянула леггинсы.

– Я пошла на угол Тринадцатой и Розовой, а тебя там нет! Это Четырнадцатая, – проорала она, указывая на табличку. – Конечно, я могла ослышаться, но... вряд ли. – Бренда хихикнула, как будто замечательно пошутила. – Разве это не дурдом? Они пытаются заставить всех разойтись по домам, но люди хотят знать, что происходит! Похоже на грандиозную тусовку.

– Никакая это не тусовка, – отрезала Сунна. Ох уж эти провинциалы, преступление для них все равно что спектакль. – Все должны идти по домам. Они же могут пострадать! Пусть этим занимается полиция.

– Но ты ведь здесь! Мы тоже имеем право быть здесь, – возмутилась Бренда.

– Я только что пришла. И уже ухожу. Тебе тоже пора уходить.

Сунна оглянулась туда, где стоял старик, но он исчез, как будто вдвинулся в стену позади него или растворился в воздухе.

Кофейня рядом с крематорием

Сунна

Сунна медленно шла домой мимо парикмахерских и банка крови. Ее соседи ничего не знали о драме, разыгравшейся в центре города; тишина казалась зловещей. Сунна остановилась перед входной дверью. Что-то в ее квартире выглядело не так, но она не могла понять, что именно. Неужели она оставила раздернутыми шторы в гостиной? Да нет, не может быть. При открытых шторах Сунна могла заглянуть в окна соседнего дома, а соседям, по всей вероятности, было видно, что происходит у нее, поэтому она предпочитала держать окно занавешенным. Но сейчас шторы были раздвинуты.

Она задернула шторы, но ощущение, будто что-то не так, ее не покидало. Она оглядела комнату, но не увидела ничего необычного. Может быть, это просто потому, что она оказалась дома в часы, когда ей полагалось быть на работе. Оказалась в Реджайне, когда ей полагалось быть в другом городе. И делать что-то другое. И быть другой. Может быть, дело совсем не в шторах, а во всей ее жизни?

Сунна стояла в арочном проеме между кухней и гостиной и смотрела на темно-синие чайные салфетки, аккуратно развешанные на дверце духовки, на пустой холодильник, на грязные тарелки и сковородки, громоздящиеся в раковине, как будто у нее были дела поинтереснее, чем мыть посуду.

Это у прежней Сунны были дела поинтереснее. У прежней Сунны весь холодильник был увешан памятной дребеденью: корешки от билетов в кино и на концерты, моментальные фотографии из автоматов, аляповатые магнитики от подруги, которая много путешествовала. Когда она успела превратиться в эту новую Сунну, у которой нет ни хобби, ни светской жизни? Она подошла к стойке и взяла бледно-розовую глиняную кружку, в которой еще болтался холодный кофе, недопитый вчера или позавчера. Раньше даже кофе был связан с общением, но теперь осталась только кофеиновая зависимость. Сунна пила кофе одна и лишь по необходимости. Это было как будто официальным знаком одиночества.

Она вспомнила приглашение Маккензи: «Прийти за компанию»; «Посидишь со мной, выпьем кофе».

Но ведь там может оказаться и Мод. Вот в чем вопрос: что лучше – пить кофе одной или в компании Мод?

Едва ли Сунна когда-нибудь набрела бы на «Бумажный стаканчик» случайно. Узкое здание, втиснувшееся между подозрительного вида тату-салонем и унылым серым крематорием. Рядом с дверью – древняя телефонная будка; к ней прислонилась женщина в слишком просторной джинсовой куртке и вглядывалась в парковку, будто в бесконечную пустыню. Встретившись взглядом с Сунной, женщина слегка улыбнулась, повернулась и исчезла в крематории – теперь понятно, почему у нее такое печальное лицо. Сунна вздрогнула. Она ничего не имела бы против, если бы ее кремировали рядом с кофейней, но идея пить кофе рядом с крематорием ей не нравилась. Сунна вошла в кафе; над головой звякнул колокольчик, и ей вдруг показалось, что она вернулась в Торонто, но на десять лет назад.

Если в большом городе кофейни следуют модным тенденциям дизайна – чтобы не стыдно было вывесить в Инстаграме – и предлагают латте с овсяным молоком, то в этом заведении меню по-прежнему было написано от руки на доске за стойкой; на стене висела табличка, на которой некогда модным затейливым шрифтом было выведено изречение, гласящее, что без кофе нет жизни. В глубине играла негромкая

народная музыка, а бариста, готовя напитки, болтали и хихикали.

Есть ли шансы, что таинственный автор письма уже там? В первый же день, в первый же час? Сунна представила, что вот сейчас откроется дверь, сейчас знакомый голос произнесет ее имя... По спине пробежали мурашки.

– Сунна! Ты пришла!

Сунна подскочила и повернулась, в полной уверенности, что увидит Бретт. Но это оказалась всего лишь Маккензи в сопровождении Мод. Сунна даже не поняла, что она чувствует – облегчение или разочарование. Она попыталась вытряхнуть из своей крови приливающий адреналин.

Маккензи тоже не сумела разгадать выражение лица Сунны.

– Что-то не похоже, что ты нам рада, – пошутила она. Ее рюкзак был так набит, как будто она намеревалась разбить в «Бумажном стаканчике» лагерь и жить там, пока не объявится таинственная личность. Рядом с Маккензи стояла Мод. Она выглядела растерянной, как будто никогда раньше не бывала в общественных местах. На ней была все та же нелепая шляпа, выглядевшая совсем уж дико в этой кофейне с ее атмосферой торопливых завтраков.

Сунна ощутила укол сочувствия.

– Привет. Как дела?

Мод насупилась.

– Слишком людно. Слишком шумно. С чего бы кто-то

пришел сюда поговорить?

– Потому что в крематории кофе не подают? – предположила Сунна.

Мод непонимающе уставилась на нее.

– В каком еще крематории? О чем это ты?

Маккензи рассмеялась.

– Пойду займу столик, пока еще есть свободные. Закажи мне большой черный средней обжарки. Вот, без сдачи. – Она вложила в руку Сунны две кучки монет. – А вторая – чаевые.

– Ага. Ты часто здесь бываешь?

– Я же студентка. Кофейни – мой дом. – Маккензи направилась к пустому столику, развернулась, и ее рюкзак врезался в мужчину, сидевшего за столом позади нее. Сунну передернуло. – Мод, а вам что? Я угощаю.

– Я пойду домой, – проворчала Мод.

– Ничего подобного. Вы пойдете со мной. Сунна, прихвати для Мод чай или что-нибудь там, я отдам деньги.

Мод фыркнула.

– Я не пью чая. Мне кофе, *без добавок*. Простой черный кофе с кофеином. – Как будто Сунна собиралась тайком подсыпать что-то в ее напиток.

Подойдя к столику, Сунна увидела, что Мод смотрит прямо перед собой, а Маккензи неловко улыбается, сложив руки на коленях. Казалось, увидев Сунну, она почувствовала облегчение.

– Спасибо, что принесла, – сказала Маккензи. – Это за

Мод. – Она протянула Сунне еще несколько монет. Мод кивнула, и темный букет на ее шляпе качнулся. Сунна подозревала, что эта женщина была как никогда близка к тому, чтобы сказать «спасибо».

– Не за что, – сказала Сунна, осторожно ставя чашки на стол. С минуту они сидели молча. Сунна почесала руку. Что она здесь делает? Зачем пришла? Одиночество уже не казалось достаточным поводом.

– Ну вот. Ты пришла, – снова сказала Маккензи.

– Да, – ответила Сунна, почувствовав, что ей и впрямь не терпится рассказать кому-то об утренних событиях. – Вы и не представляете, что случилось в центре города...

– Угроза взрыва, – произнесла Мод.

– Да, – сказала Сунна, откинувшись на спинку стула. – Откуда вы знаете?

– По радио сказали. Самое большое событие в этом городе за целую вечность. В художественной галерее в центре города – ты уже знаешь? – Лицо Мод оживилось, точь-в-точь как у Бренды. Как будто это было единственное в ее жизни интересное событие, с которым она столкнулась так близко, и ей хотелось быть хоть как-то к нему причастной.

– Ну надо же, в этом городе даже есть художественная галерея, – пробормотала Сунна.

– Конечно, у нас есть художественная галерея, – возмущенно сказала Мод. – Очень хорошая. А теперь еще и кража. Первая кража из художественной галереи.

– Не кража, – возразила Сунна, пытаясь подавить раздражение. – Угроза взрыва.

– Это неспроста, – сказала Маккензи.

– Что неспроста? – спросила Мод.

– Утром я проснулась с чувством, что сегодня случится что-то важное – вот оно и случилось. Но сначала я решила, что это не то, потому что обычно у меня бывает такое предчувствие, когда событие непосредственно связано со мной. А теперь вот пришла Сунна, а она там была, когда все это произошло, так что вот видите. Все-таки это как-то связано со мной. Значит, это не просто так, это неспроста.

Мод уставилась на Маккензи так, будто на лбу у той вырос рог.

– Да о чем ты, черт возьми? Что все это значит?

– Не знаю, – сказала Маккензи. – Когда что-нибудь что-то значит, не всегда понятно, что оно значит. Понятно только, что оно что-то значит. Что это *неспроста*.

Мод посмотрела на Маккензи, предельно – или даже за-предельно – округлив глаза. Потом перевела взгляд на Сунну с крайне удивленной, недоверчивой миной.

– О, – сказала она, потягивая кофе. – Так ты из *этих*.

Маккензи, ничуть не обеспокоенная, отхлебнула кофе.

– Конечно, Мод. Не очень поняла, о чем ты, но именно так. У меня интуиция. Я замечаю все.

Мод хмыкнула.

– Как поработала вчера вечером? – вежливо улыбнув-

шись, спросила Сунна у Маккензи, чтобы сменить тему.

– Хорошо.

– Вот и отлично.

Они все уставились друг на друга, и Сунне показалось, что каждая изо всех сил пытается придумать предлог, чтобы уйти. Но Мод вдруг с шумом подалась вперед вместе со стулом, не сводя глаз с Маккензи.

– Ну, так как? – спросила Мод, решив наконец, что придвинулась к ней на должное расстояние. Она наклонилась к Маккензи. – Кого ждешь? – спросила Мод.

Маккензи, похоже, удивилась.

– То есть... в смысле кого? Сейчас?

– Конечно. Кто, по-твоему, написал письмо? Кто, по-твоему, придет сюда сегодня?

Маккензи оглядела полную народу кофейню и задержала взгляд на матери с дочерью за соседним столиком. Она смотрела на них так пристально и так долго, что Сунна засомневалась, слышала ли она вопрос.

– Вчера ты сказала, что может прийти кто-то для тебя важный, – настаивала Мод.

Маккензи медленно кивнула, ее взгляд вернулся к столу.

– Я так сказала?

– Ты так сказала. – Глаза Мод заблестели, и Сунна поняла, что она ждет пикантных подробностей.

– Ну да. Хорошо, отвечаю. Его зовут Джаред.

– Бывший парень?

– Ага. Окончил школу примерно через месяц после того, как мы начали встречаться. Мы были вместе тем летом и весь следующий год, пока он жил в другом городе и работал у своего дяди. А я училась в одиннадцатом классе.

– В этом возрасте год – большой срок для отношений, – сказала Сунна.

Она тут же спохватилась, что ее слова могли прозвучать снисходительно, но Мод выручила ее, высказавшись с неприкрытым высокомерием.

– Подумаешь, в школе, – пробормотала она. – Это не в счет.

В первый раз с тех пор, как Сунна познакомилась с Маккензи, та, казалось, по-настоящему обиделась.

– То есть как это не в счет? Очень даже в счет. Как вообще можно так вот говорить людям, что их чувства не в счет?

Мод выглядела немного виноватой, но от своего заявления не отказалась.

– Ну! – Она махнула рукой, как будто Маккензи сказала глупость. – В мое время было не в счет. Мало ли с кем я встречалась в школе, но ни о ком из них не страдаю.

Она поднесла чашку корту и громко отхлебнула.

Сунна повернулась к Маккензи.

– Тебе, наверное, около девятнадцати. Или... двадцать?

Маккензи кивнула.

– Девятнадцать.

– Ну вот. – Сунна выразительно глянула на Мод. – И давно

вы расстались?

– В том-то и дело, – сказала Маккензи. – Мы не расстались. Он стал призраком. Испарился.

– Прошу прощения, – сказала Мод. – Как это «стал призраком»?

– Ну, типа исчез. В смысле из моей жизни. Мы не намеревались расставаться – просто он перестал звонить, перестал приезжать домой на выходные, чтобы повидаться со мной, перестал отвечать на мои сообщения. Как будто мы никогда не встречались, как будто его никогда и не существовало. Я думаю, он просто решил, что все кончено, и у него не хватило духу мне об этом сказать.

– Понятно, – сказала Мод. Она склонила голову набок, и перья на ее шляпе, казалось, поникли.

– Действительно странно, ведь я думала, что все хорошо. Я знаю, что так часто бывает, видела, как это случалось с другими. Но со мной – никогда. У меня все еще куча его вещей; у него все еще куча моих...

– А ты его любила? – спросила Мод.

Маккензи взглянула на нее с подозрением.

– Ну-у... это не было... я не думала, что выйду за него замуж или что-то в этом роде, но... мы через многое прошли вместе. И от этого отношения стали как бы глубже. Не знаю, как еще это назвать... Ну да. Любовь. Симпатия. Потребность друг в друге. Влюбленность. Мне нравился его запах. Честно говоря, даже если бы я его ненавидела, мне все

равно хотелось бы знать, почему он вдруг перестал со мной общаться.

В удивительном порыве сострадания Мод положила руку на плечо Маккензи, а Сунна скривила губы в сочувственной улыбке. Маккензи поблагодарила их за то, что выслушали, и сказала, что ей нужно делать домашнее задание.

Автор письма в тот день так и не появился.

Призраки в галерее

Ларри

Ларри мало кому говорил, что работает уборщиком. Не то чтобы ему было стыдно работать уборщиком, но другим становилось неловко за него, и он это замечал. А ему было неловко из-за их косвенного осуждения. Если бы ему просто говорили: «Мы тебя меньше уважаем из-за твоей работы», он мог бы, по крайней мере, испытывать к ним неприязнь, не чувствуя себя виноватым и не спрашивая себя, правильно ли он понял. Но странно, что люди так относились к его работе. Уборщик – серьезная должность: она требует внимания к деталям, хорошей трудовой этики, добросовестности. И вве-

ренное ему здание было непростым: самая большая и престижная художественная галерея в провинции. Его дядя-художник всегда мечтал выставить здесь свои работы. (Годы спустя после его смерти тетя Ребекка однажды обмолвилась, что частично винит галерею в его самоубийстве – за то, что столько лет «обходила его стороной», за отказ поддержать местного мастера и принять его в сообщество художников. Но Ларри, по-своему преданный галерее, где проработал почти двенадцать лет, старался не думать об этом.)

Нет, Ларри не стыдился своей работы, просто она ему не нравилась. Не нравился беспорядок в туалетах, не нравился накрахмаленный комбинезон, который ему приходилось носить, не нравился Бенджамин, раздражительный, похожий на слизняка ночной сторож, который всю смену спал за своим столом и не сторожил ничего, кроме собственных снов.

А больше всего Ларри не нравилась темнота. Не нравилось, когда в галерее было темно.

Старое здание было большим, а его смена начиналась, когда галерея закрывалась для публики. В восемь вечера. Но восемь вечера летом – это одно. И совсем другое – восемь вечера в октябре, когда солнце уже давно зашло. Когда нужно входить в темное здание, где тени сгущаются по углам и растекаются по полу, как нефть. Деревья скребутся в окна острыми, тонкими пальцами. А сторож у двери спит.

Ларри всегда работал в тишине, опасаясь, что если, моя полы, он наденет наушники, кто-нибудь непременно подкра-

дется сзади и стукнет его чем-нибудь тяжелым по голове. Он понимал, что это глупо: ну кому бы понадобилось так бессмысленно его убивать? Но глупые страхи пугают не меньше, чем обоснованные. К тому же отличить глупый страх от обоснованного так же трудно, как отличить в темноте манекен от живого человека.

А теперь еще эта история с бомбой. Ларри это совсем не понравилось. Он пришел на работу, ни о чем не ведая, так как не слушал, не смотрел и даже не читал новостей. И тут Бенджамин рассказал ему о телефонном звонке.

«Я собираюсь взорвать художественную галерею! – сказал звонивший. – Я взорву ее! Можете мне верить! Лучше убирайтесь все оттуда, а то тоже взорветесь!»

Бедняжка Ай Фен, всеобщая любимица, работавшая администратором, ответила на этот звонок и пережила такое потрясение, что ей дали месяц отпуска, чтобы она могла отойти от шока. Интересно, думал Ларри, почему месяц отпуска не дали всем, – или они так уверены, что никакой бомбы не было? И даже если так, была ли это просто пустая угроза?

Но как бы не так. Ему не дали даже выходного. Только утром возникла серьезная угроза, прошло менее двенадцати часов, и вот Ларри уже моет полы, которые могут взорваться под ним, как извергающийся вулкан, разорвать его на миллион кусочков и рассыпать их, как кровавое конфетти, на лужайку перед галереей.

Он быстро тер пол. Интересно, кто-нибудь заметит, если он уберет не все помещения? Просто быстро вытрет здесь и там, только сегодня вечером?

В первый раз услышав этот звук, он попытался убедить себя, что это Бенджамин. И даже произнес это вслух, чтобы это стало правдой.

– Эй, Бенджамин!

Его голос эхом разнесся по большому обшитому деревом залу. Прямо перед Ларри была картина, изображавшая женщину с лицом в виде еловой шишки. Она критически рассматривала его. Сердце забилося в груди, как испуганная кошка в шкафу, полном кастрюль и сковородок.

Ларри снова слышал звук и, даже несмотря на страх, отметил, что напрягает слух, чтобы понять, что это. Что-то неземное. Шепчущий, шаркающий звук, доносившийся ото всюду и ниоткуда одновременно. Кошка в его груди замерла.

– Б-Б-Бенджамин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.